

КАРИН АЛЬВТЕГЕН

ТЕНЬ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

ПОМЕНИРОВАН НА МЕЖДУНАРОДНУЮ ПРЕМИЮ «КРИКА» В 2008 ГОДУ
УДОСТОЕН ДАТСКОЙ ПРЕМИИ ЮМЕНИ ПАЛЛЕ РОЗЕНБРАНДА 2008 ГОДА

Карин Альвтеген Тень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6253815

Карин Альвтеген. Тень: Иностранка, Азбука-Амтикус; Москва; 2013

ISBN 978-5-389-05944-3

Оригинал: KarinAlvtegen, "Skugga"

Перевод:

Гия Арония

Аннотация

Жизнь уважаемой семьи Рагнерфельдт кажется безоблачной. Отец, Аксель Рагнерфельдт, снискал преклонение современников: парень из рабочей семьи стал знаменитым писателем, а его роман «Тень», отстаивающий идеалы человечности и благородства перед лицом беспощадных обстоятельств, принес своему автору Нобелевскую премию. Отсвет славы лег и на семью писателя, и на семью его сына. Но этот свет беспощаден и жгуч, и чем он ярче, тем тени чернее. Некоторые из них, талящиеся в далеком прошлом писателя-гуманиста, тянутся в день сегодняшний, ставя под сомнение доброе имя Рагнерфельдта и словно проверяя провозглашенные идеалы на прочность.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	41
-----------------------------------	----

Карин Альвтеген

Тень

Моей семье, чистому роднику

Шведка Карин Альвтеген приходится внучатой племянницей знаменитой Астрид Линдгрен и не уступает ей в популярности: увлекательные детективы и психологические триллеры принесли писательнице много престижных наград, в том числе «Стеклянный ключ»; ее книги переведены более чем на 30 языков и продаются сотнями тысяч экземпляров по всему миру.

Роман «Тень» номинировался на премию «Лучший шведский триллер» 2007 года, международную премию «Кинжал» 2009 года и удостоен датской премии имени Палле Розенкранца за 2008 год (Премия за лучший триллер)

«Тень» – захватывающий роман, нечто большее, чем просто триллер. Карин Альвтеген поднимает этот жанр на такую высоту, которая мало кому еще под силу.

GEFLE DAGBLAD

Альвтеген медленно, но верно раскрывает маленькие и большие тайны солидного семейства. И то, что открывается взгляду, вызывает оторопь. В очередной раз писательница демонстрирует свое мастерство рассказчика, она умеет и нагнетать грозное напряжение, и чутко регистрировать самые темные стороны человеческой души.

SVENSKA DAGBLADET

Альвтеген пишет, собственно, о том, как ошибки и недостойные поступки тянут за собой все новые, как они переходят от поколения к поколению. Человек наследует не только цвет глаз и таланты, но и трусость, эгоизм и вероломство. Бремя совершенного родителями придется нести их детям. А то, что погребено под слоем молчания и лжи, все равно выйдет на свет.

FEMINA

Оторваться от увлекательнейшего триллера Альвтеген, как всегда, невозможно! Роман щекочет нервы от первой страницы до последней, с ее завораживающей и провокационной концовкой. И тень от «Тени» ложится на вашу душу...

SMÅLÄNNINGEN

* * *

«Когда ты услышишь вот такой звук, би-и-ип, когда ты его услышишь, ты будешь знать, что пора перевернуть страничку. Что ж, начнем».

Голос на пленке изменился. Стал как будто бы дядин, хотя читала точно тетя. Он снова включил магнитофон и вернулся к первой главе истории о Бэмби. Он знал всю книжку наизусть. Выучил ее давным-давно, а сегодня прослушал ее столько раз, что у тети даже голос осип.

Начало темнеть, мам и пап с детьми и воздушными шариками стало намного меньше. В животе урчало от голода. Булочки он давно съел, сок выпил и очень хотел писать, но она сказала оставаться на месте, и он боялся уходить. Он привык ждать. Но писать хотелось все сильнее, и если она не придет прямо сейчас, он, наверно, описается.

Больше всего он боялся снова увидеть тот особенный мамин взгляд. Когда она так смотрит, он знает – ему опять будет больно или он окажется один в темноте. Он потрогал то место, где стало больно вчера, когда он не захотел с ней идти. Глаза у нее сделались очень сердитые, она крикнула, что он злой. И где-то там, сзади, вдруг стало очень больно. Она так часто ездит в этот дом. Ехать туда надо сначала на автобусе, потом надо долго-долго идти пешком. Иногда она берет его с собой, иногда надолго оставляет и велит никуда не уходить. Там в саду есть странный стеклянный дом, где интересно играть, но только если недолго и не одному. А еще есть домик с дровами, из которых можно что-нибудь вырезать, хотя играть с ножиком ему запрещают. Бывает, что мама не возвращается до темноты. Тогда появляются привидения и воры. И ножик в деревянном сарае становится его единственной защитой. Да еще на полу есть волшебная доска с черным пятном, похожим на глаз. Если стоять на ней и петь «Звездочка, сияй», то его никто не тронет. Раньше мама говорила, что когда-нибудь они будут жить в этом доме, нет, не в стеклянном и не там, где дрова, – а в большом, по соседству, и у него будет своя комната. И все будет как полагается. Так она говорила.

Он посмотрел по сторонам.

Он сидел на верхней ступеньке широкой лестницы, за спиной был пруд с птицами. «Может, все-таки уйти отсюда и самому ее поискать?» – подумал он, но потом вспомнил, что она сказала, и остался на месте. Ступени понемногу остывали. Голос в магнитофоне говорил все медленнее и медленнее, как будто засыпал. В конце концов кнопка подпрыгнула, и тетя на пленке замолчала. Было скучно. Писать хотелось все сильнее, но он не знал, где искать туалет. Живот болел. Сидеть на лестнице надоело. Он хотел пописать и уйти домой.

– Привет.

Он вздрогнул. Перед ним стоял дядя в зеленой одежде. Как у полицейского, правда, другого цвета, но на груди буквы, точно как у полиции.

– Как тебя зовут?

Он не ответил. Мама говорила, нельзя разговаривать с незнакомыми взрослыми, поэтому, опустив взгляд, он уставился на каменную ступеньку.

– Мы закрываемся, всем пора по домам. Где твои родители?

Голос не злой, даже довольно добрый, однако непонятно, что ему ответить. Но и невежливым быть не хочется, а получается, он ведет себя невежливо, и тут он вовсе растерялся. К его ногам упали две большие капли, оставив на камне темные пятна. Потом еще две.

– Ты здесь с мамой или с папой?

Он медленно покачал головой. Разговаривать ведь нельзя.

– С кем ты сюда пришел?

Он пожал плечами.

– Не бойся. Меня зовут Свен, я работаю охранником здесь, в парке Скансен, ко мне приходят все, кому нужна помощь. Все, кто потерялся и не может найти родителей, все, кому нужно о чем-нибудь спросить.

Охранник помолчал немного.

– Сколько тебе лет?

Мальчик осторожно вытянул вперед левую руку и с помощью правой загнул на ней мизинец и большой палец.

– Три годика?

Мальчик слегка покачал головой.

– Нет, четыре.

И тут же зажал рот рукой. Говорить нельзя! А вдруг дядя расскажет об этом маме? Он боялся поднять глаза на охранника. Потом все-таки взглянул исподлобья, как бы определяя, станет ли тот жаловаться маме. Мужчина улыбался.

– Если хочешь, пойдем со мной вон к тому домику, я там работаю, а ты сможешь подождать, пока за тобой придут.

Терпеть больше нет сил. Он вот-вот описается, и тогда мама еще больше рассердится.

– Мне надо в туалет.

Продолжая улыбаться, мужчина кивнул.

– Туалеты там. Беги, а я пока постерегу твои вещи. Видишь вон ту дверь?

Немного поколебавшись, он сделал так, как ему велели.

Свен Юхансон стоял на лестнице, с беспокойством глядя вслед бегущему мальчику. Он обратил на него внимание еще днем и сейчас явно чувствовал неладное. Когда ребенок скрылся из виду, Свен присел на корточки и начал перебирать его вещи. Магнитофон, книжка про Бэмби, прозрачный пакет с крошками, пластиковая бутылка с желтой крышкой и глотком сока на дне. Он раскрыл книжку, чтобы проверить, не написано ли где имя мальчика. На землю выпал сложенный лист бумаги. Помедлив мгновение, Свен развернул листок и понял, что его худшие опасения оправдались. На листе была одна фраза, написанная красивым почерком:

«Позаботьтесь об этом ребенке».

* * *

Из полиции пришел мягкий конверт с ключом от квартиры. Коричневая шпонированная дверь, старомодный, изъеденный временем подъезд. Герда Персон три дня пролежала мертвой, прежде чем сотрудники патронажной службы обнаружили тело. В последний раз за девяносто два года и почти три месяца своей жизни она наполнила легкие воздухом – и превратилась в воспоминание. Ничего, кроме этого, Марианна не знала. Но, поскольку у двери квартиры сейчас стояла именно она, было очевидно, что ни полиции, ни патронажной службе так и не удалось найти ни одного родственника Герды, а значит, позаботиться о формальностях, которые необходимо соблюсти по завершении чьей-то жизни, некому. Дело попало на стол к Марианне Фолькесон. Незнакомый ключ в чужую жизнь, в чье-то прошлое.

Она бывала в этом районе и раньше. Многоэтажки с маленькими квартирами, пожилые обитатели которых часто пользуются услугами патронажных служб. Случалось, что кто-нибудь из них умирал, а сообщить об этом было некому. Кроме Марианны Фолькесон, сотрудницы муниципалитета, занимавшейся вопросами выморочного имущества.

Она открыла сумку, вынула тонкие перчатки, однако марлевую маску не надела. Никогда не знаешь, что ждет тебя за чужой дверью, но из уважения к умершим она старалась не поддаваться предубеждениям. Порой жилище было прибрано, как кукольный домик, оставленный потомкам без единого пятнышка. Бережно сохраненные предметы, которыми никто никогда не заинтересуется. Вещи, составлявшие имущество покойника, словно сохраняли память о нем. Появление Марианны было своего рода вторжением, и ей не хотелось усугублять это неуместной маской. Она считала себя союзником этих людей. Приходила для того, чтобы достойно и уважительно завершить жизнь, скрывавшуюся за незнакомым именем на документе. Наводила порядок, сортировала и собирала памятные вещи и по возможности старалась найти кого-нибудь, кому эти вещи могли быть дороги. Смерть ее больше не пугала. За двадцать лет работы она убедилась, что это естественная часть жизни. Смысл

жизни искать перестала, хоть это и не значит, что нашла. Раз Вселенная существует, значит, для этого должна быть причина. На этом Марианна и успокоилась, приняв как данность великую тайну бытия.

Жизнь. Краткий всплеск между двумя вечностями. Далеко не во всех случаях, с которыми она работала, люди проживали в одиночестве всю жизнь – чаще их круг общения сокращался с возрастом, и в последние годы рядом вообще могло не быть никого. Однако встречались дома, которые были полной противоположностью кукольным. Там царили такие беспорядок и грязь, что ноги сами отказывались переступить порог. Рваные обои и разбитая мебель громко кричали об отчаянии, которое испытывал покойный. В таких ситуациях речь обычно шла о психически неуравновешенных людях без социальных связей, которых благодаря лечению на какое-то время удавалось реабилитировать, после чего их тут же объявляли здоровыми и выписывали, чтобы освободить драгоценные бюджетные места для других пациентов. Их обеспечивали жильем, но уединенное существование в скором времени приводило к обострению болезни. Одиноким, нуждающимся в помощи человек не решался ни о чем просить, зная, что ему все равно откажут. Марианна должна была восстановить справедливость. Сделать все возможное, чтобы найти хоть кого-то из родственников, кто мог бы прийти на похороны. Иногда таких не находилось, и в последний путь человека провожали только она, священник, сотрудник бюро ритуальных услуг и кантор. Тогда она с помощью фотографий и памятных вещей старалась воссоздать вкусы умершего, чтобы похороны не были обезличенными. В одиночестве возлагая на гроб цветы, она всегда просила прощения за беспомощность общества. За то, что оно предало человека, бросило на произвол судьбы, не вмешалось.

Обернувшись к своей спутнице, Марианна протянула ей перчатки. Входить в квартиру одна Марианна не имела права. В первый раз ее обязательно сопровождал кто-либо из сотрудников муниципалитета. Никто не должен сомневаться, что все сделано по закону. И вместе с Марианной всегда ходил кто-то из коллег, у кого было время. Сегодня это была сотрудница из отдела пособий. Марианна знала ее имя – Сольвейг, – но не могла вспомнить фамилию.

Сольвейг надела перчатки, и Марианна вставила ключ в замок. На полу валялись рекламные листки и несколько экземпляров местной коммунальной газеты. Никаких неприятных запахов не было, но квартиру давно не проветривали.

Быстро просмотрев почту, Марианна положила ее на полку для головных уборов.

Насколько она успела заметить, у Герды не было ни неоплаченных счетов, ни задолженностей по газетным подпискам. И никаких писем. Если не считать одного – от интернет-провайдера.

Квартира выглядела прибранной, но в углах тут и там виднелся тонкий, как пленка, слой грязи. В патронажной службе Марианне сообщили, что Герда заказывала уборку раз в три недели и доставку продуктов по понедельникам. В остальном она отказалась от помощи и старалась справляться самостоятельно. Грязь тут наверняка появилась не по неряшливости, а из-за слабого зрения. Марианна встречала такое и раньше. В квартирах у стариков может быть порядок, но пыли – сколько угодно. В сушке стояли стакан и тарелка. На батарее висело кухонное полотенце, посередине кухни стоял стол, два стула, на клеенчатой скатерти в цветочек лежала хлебница. Марианна открыла холодильник. В нос ударил запах гнили, пришлось доставать пакет, который она принесла с собой. Со смерти Герды прошло три недели, а после вывоза тела патронажной службе в квартиру заходить запрещалось. Открытое обезжиренное молоко, пачка масла, тресковая икра и сморщенный огурец отправились в пластиковый мешок, который Марианна быстро закрыла и отнесла к входной двери.

– Смотрите. У нее в морозильнике книги.

Сольвейг стояла у открытой дверцы, когда Марианна вернулась в кухню. Под толстым слоем льда в глубине морозильной камеры аккуратно лежали завернутые в пищевую пленку книги. С помощью лопатки, найденной в одном из ящиков, Марианне удалось их вынуть. Она соскребла ногтем иней с полиэтилена и прочитала: «Пусть говорят камни» Аксель Рагнерфельдт. Знаменитый писатель. Не самая известная из его книг, но теперь все его произведения считаются классикой.

– Между страницами, наверное, деньги.

Это предположила коллега. Вполне возможно. Марианне доводилось находить купюры в самых неожиданных местах, но на этот раз в книге ничего не обнаружилось, равно как и в остальных. Все они принадлежали перу Акселя Рагнерфельдта, и, что удивительно, на всех оказались написанные от руки посвящения. «*Герде – с наилучшими пожеланиями*» или «*Герде – с благодарностью*». И размашистая подпись поверх напечатанного имени автора.

Марианна почувствовала тепло в груди. Обрадовалась, как радовалась всегда, когда выяснялось, что рядом с одиноким человеком кто-то был. Что его жизнь не всегда протекала в полном одиночестве. Сейчас она была довольна вдвойне: ведь если у покойника отсутствуют доходы и в доме нет ничего ценного, то нет и возможности организовать красивые похороны. Книги же с автографом Акселя Рагнерфельдта наверняка можно выгодно продать, украсить церковь и заказать достойный памятник. Последнее проявление уважения к человеку, чья жизнь завершилась.

– Кажется, они прекрасно сохранились в холоде. Стоят, наверно, кучу денег.

Марианна кивнула. Загадочный нобелевский лауреат был самым знаменитым персонажем шведской культурной элиты, но при этом редко давал интервью. Марианна не могла вспомнить ни одной подробности из его личной жизни.

– Герде Персон было девяносто два. Ему, пожалуй, столько же.

– Мне кажется, он моложе. Или нет?

Марианна не знала. И обложки книг не дали никаких зацепок. Их напечатали до наступления «эры личности», в те времена, когда слова писателей были важнее, чем их лица.

Квартира состояла из двух комнат и кухни. Женщины вышли в прихожую и мимо гостиной направились в спальню. На полу валялись ходунки. Ночной столик был опрокинут, простыня сорвана с кровати. Ковер свернут в рулон, сверху набросаны одежда и газеты. Стакан, тюбик смягчающего крема, упаковка валерианы.

И будильник, упорно продолжавший тикать посреди этого хаоса. Марианна подняла столик и поставила на место лампу. В маленьком ящике обнаружили многочисленные газетные вырезки, таблетки от боли в горле, Библия, бусы, несколько конвертов и карманный ежедневник. Она открыла страницу наугад.

Проснулась в 6 ч. Картошка и тефтели. Гедда Габлер по телевизору.

В большинстве газетных вырезок речь шла о сердечных заболеваниях, и, судя по датам, собирали их давно. Некоторые представляли собой эпитафии, но имена умерших были отрезаны. В первом конверте лежало приглашение на бесплатный педикюр, во втором поздравление с семидесятипятилетием от друзей из библиотеки общества пенсионеров. Третий конверт был толще и потрепаннее. Марианна заглянула в него. Сольвейг открыла и закрыла шкаф, не обнаружив там ничего, кроме одежды.

– Сколько там?

Марианна вытащила пачку купюр и пересчитала.

– Одиннадцать тысяч пятьсот семьдесят.

Она закрыла ящик, но оставила у себя конверт с деньгами. Когда она осмотрит квартиру, они составят инвентарный список, куда внесут всю мебель, предметы обстановки и

ценные вещи, включая наличные. Средства в первую очередь пойдут на похороны и памятник, на оплату коммунальных платежей, а то, что, возможно, останется, – кредиторам, если таковые есть.

Сольвейг быстро осмотрела второй шкаф и вышла в гостиную вслед за Марианной. Мебель почти вся старая, за исключением дивана. Комод, книжная полка, дорогих вещей нет. Кровать перед телевизором, рядом на столике телепрограмма, две карточки моментальной лотереи со стертым защитным слоем без выигрыша и поразительное количество лекарств. Ровными рядами они лежали на столе, на листе бумаги в клетку с написанными от руки датами. Марианна прочитала названия на металлических блистерах. Imbur, Trombyl, Bisoprolol, Plavix, Plendil, Cipramil, Pravachol. Чего только не предпринимает общество, чтобы сохранить людям жизнь. А уж о производителях лекарств и говорить нечего.

Восклицательным знаком в этой стариковской квартире был красный телефон на столике у двери. Марианна подошла ближе и просмотрела небольшую стопку бумаг, лежащих возле аппарата. Написанный от руки список платежных реквизитов: телерадиокомпания, мобильный оператор, страховая компания. Реклама универсама ICA. Аптечная памятка для лекарства Bisoprolol. В самом низу потрепанная телефонная книжка. Марианна раскрыла ее на букве А. Горстка имен с номерами, написанными разными ручками, и все, кроме двух, уже зачеркнуто.

Итоги общения длиной в жизнь подводит маленькая записная книжка, из которой один за другим исчезают каналы связи с внешним миром. Телефонные книжки – лучшее средство для поиска родственников и знакомых. Марианна обязательно звонила по всем найденным телефонам в надежде, что кто-нибудь придет на похороны. Но многие номера, принадлежавшие пожилым людям, были отключены в связи со смертью хозяина или уже имели другого абонента. Повинуясь внезапному импульсу, Марианна открыла букву Р. Первым в списке был тот, кого она искала. Рагнерфельдт. Имя не зачеркнуто.

– Тут фотографии.

Марианна повернулась. Сольвейг стояла у старого комода с коричневым конвертом в руках. Марианна положила телефонную книгу в сумку и подошла к Сольвейг, скользнув взглядом по полкам за открытыми дверцами комода.

Стопки тщательно выглаженных простыней, хрустальные бокалы разных видов, кофейный сервиз в китайском стиле. Красная картонная папка с надписью «Хозяйственные расходы» на корешке. Папку Марианна тоже засунула к себе в сумку.

– Интересно, это она? Похоже на чей-то день рождения.

Сольвейг перевернула снимок.

– Не подписано.

Она протянула Марианне фотографию.

Выцветший снимок хорошо одетой женщины.

Она сидит в кресле в окружении ваз с цветами. Волосы зачесаны назад и собраны в пучок, лицо серьезно, даже как будто недовольно.

Сольвейг продолжила рассматривать содержимое конверта и вытащила еще одну фотографию.

– Смотри, это он. Ведь он же, да?

Марианна взглянула на черно-белый снимок. Аксель Рагнерфельдт сидит за столом в саду с кофейной чашкой в руках и смотрит вдаль. Женщина одних с ним лет и двое детей сидят рядом и смотрят в камеру. Мальчик и девочка. Мальчик старше.

Марианна кивнула.

– Конечно, он. Я не знала, что у него была семья.

– Может, это посторонние.

– Похоже на семейный снимок.

Вернув фотографии в конверт, Марианна положила и его в сумку, а Сольвейг перешла к книжной полке.

– Тут еще его книги.

Марианна подошла ближе.

– Подписанные?

Сольвейг открыла первую страницу. Размашистый автограф вился над напечатанным именем, но личного посвящения на этот раз не было.

Марианна открыла другую книгу – и у нее перехватило дыхание, потому что, пролистывая страницы, она увидела, что все строки зачеркнуты жирной красной чертой. В отдельных местах текст, видимо, задевал владельца ручки особенно сильно – слова были вымараны с такой силой, что стали нечитаемы, а бумага почти порвалась.

– О господи, зачем она сделала это?

Они проверили остальные книги – всюду одна и та же картина. Красные линии кровоточили, и повсюду на бумаге оставались дыры от ручки. Марианна вытащила книгу другого автора, но там страницы не пострадали.

– Н-да, – Марианна попыталась сохранить привычную отстраненность. Она не любила критиковать людей. Особенно если дело касалось их лично и не могло навредить другим. И все же было по меньшей мере странно, что кто-то мог умышленно испортить книги с автографом Акселя Рагнерфельдта. Особенно с учетом того, что этому дому явно не помешали бы дополнительные доходы, которые могла принести продажа ценных томов. В растерянности Марианна вернула книгу на место.

– Ну что? Вы готовы?

Марианна открыла сумку и вытащила папку с инвентарными бланками:

– Нужно только заполнить бумаги.

Бланк заполнили, и Сольвейг ушла, а Марианна осталась у окна в кухне. Вид из окна квартиры Герды Персон. Дерево, зеленый газон на фоне серо-зеленой стены многоквартирного дома. За окнами чужая жизнь, чужие тайны. Все, что ей на данный момент необходимо, уже лежит в ее сумке. Если на объявление о смерти не откликнется никто из родственников, она обратится в архив и к церковным книгам. Позвонит по номерам из записной книжки. Сделает все возможное, чтобы найти знакомых покойной, разобраться в этой головоломке и достойно проводить Герду Персон в последний путь. Сейчас начинается ее работа. Поиски прошлого Герды Персон.

И одно имя уже есть.

Аксель Рагнерфельдт.

* * *

– Никто не повлиял на личность и творчество моего отца так сильно, как человек по имени Йозеф Шульц.

Держа перед собой конспект выступления, Ян-Эрик Рагнерфельдт поставил палец на строку с именем Шульца, сделал эффектную паузу и обвел взглядом уважаемую публику.

– Не помню, сколько мне было лет, когда отец впервые рассказал о Йозефе Шульце, но все детство я слышал о его судьбе и выборе, который он сделал. Йозеф Шульц служил для моего отца идеалом, образцом для подражания. И я помню, что каждый раз, слыша имя этого человека, я все больше убеждался, что добрые мысли – это, разумеется, хорошо, но настоящая доброта рождается только там, где начинается действие.

Софиты слепили глаза. Он видел только сидевших в первых рядах, но знал, что зал полон. Собрание незнакомых людей, которые, как один, затаив дыхание, ждали его слов.

– Кто же этот загадочный Йозеф Шульц? Кому-нибудь из вас знакомо его имя?

Он заслонился от света ладонью. В первом ряду, ближе к краю. Он заметил ее уже давно и теперь пользовался случаем, чтобы разглядеть в мельчайших подробностях. Красивые точеные черты лица. Блузка из блестящей ткани обтягивает округлую грудь, пышность которой пытаются сдерживать доблестные пуговицы, но тщетно – кое-где застежка слегка расходится, открывая темную манящую впадинку. Он опустил руку.

– Во время Второй мировой войны молодой Йозеф Шульц был солдатом немецкой армии. Двадцатого июля сорок первого года он вместе с семьей боевыми товарищами находился в местечке Смедеревска Паланка на Восточном фронте. Партизанское сопротивление досаждало немцам, и его необходимо подавить. Лето в разгаре, пора сенокоса, отряд Шульца отправили на обычное, как им кажется, задание.

Ян-Эрик Рагнерфельдт стоял не шевелясь. Резкое движение могло разрушить созданное им настроение. Он действовал все более умело, опыт внушил ему веру в себя, и теперь он мог выстраивать ход выступления по своему желанию. Привилегия успеха. Чем больше уверенности, тем больше харизмы. Переместив взгляд, он посмотрел ей в глаза. Сделал выбор. Именно она спасет его на сегодняшний вечер. Он продемонстрировал это так откровенно, что она не могла этого не заметить. Она избрана. Он ощутил приятное волнение оттого, что он на сцене и власть выбирать у него, ей остается лишь подчиниться.

– После короткого марша, однако, выясняется, что нынешнее задание отличается от тех, к каким они привыкли. Йозефа Шульца и его отряд останавливает офицер.

Она потупила глаза. Поздно. Она себя выдала. Лукавая улыбка уже доказала, что ей нравится его внимание. И, как все прочие женщины на его пути, она не устоит перед его властью.

Игра началась.

– Местное население занято на сенокосе, надо успеть запастись на зиму, потому что даже во время войны людям нужно есть, а значит, нужно выполнять рутинную работу. У одного из стогов, сложенных в это утро, выстроены четырнадцать человек в штатской одежде. Руки у всех связаны, на глазах повязки. И Шульц с товарищами внезапно понимают, что им предстоит выступить в роли карательной бригады.

Женщина сопротивлялась, не хотела становиться легкой добычей.

Она перестала смотреть ему в глаза, уцепившись взглядом за какой-то предмет поблизости.

– Униформа, которую носят эти восемь юношей, обязывает их выполнить приказ и убить четырнадцать невинных людей.

Кто-то кашлянул. Ян-Эрик с раздражением заметил, что созданная им магия нарушена. Судя по движению в зале, несколько слушателей поменяли позу. Но тут женщина вновь посмотрела на него. На этот раз увереннее, и связь была установлена. Двое из трехсот присутствующих в зале знали, что между ними есть контакт. Ожидание, вызов. Физическое влечение.

Которое невозможно удовлетворить.

– Семеро из восьми солдат не сомневаются, они готовы выполнить приказ и занимают позицию. Но Йозеф Шульц внезапно понимает, что не может выстрелить. В гробовой тишине его оружие падает на землю, он медленно идет к стогу сена и занимает место среди приговоренных к смерти.

Ян-Эрик включил слайд. На экране позади сцены появилось черно-белое фото события, которое разыгралось шестьдесят пять лет назад.

– Возможно, никто бы не вспомнил о Йозефе Шульце и его героическом выборе, если бы один из его товарищей не запечатлел это на пленке. Что заставляет человека сделать выбор, подобный тому, который сделал Йозеф Шульц? Какое качество отличало его от

остальных членов немецкого патруля? Тех, кто, не задумываясь, убил не только четырнадцать незнакомых гражданских лиц, но и своего товарища Йозефа Шульца?

Наступила тишина. Ян-Эрик неторопливо сделал глоток воды. Женщина не спускала с него глаз ни на мгновение, и он упивался этим. Рядом с ней не было мужчины, но это не означало, что его нет совсем. В провинции литературные вечера посещают по большей части женщины, они приходят компаниями, оставляя мужей дома. Слава богу, опыт подсказывал, что наличие мужа вовсе не является преградой. Власть сцены творила чудеса и отпирала двери, которые никогда раньше перед ним не открывались. Возможно, и сегодня будет так же. Судя по ее взгляду, лекция того стоила.

– Именно этому вопросу мой отец и посвятил свое творчество. Но – обращаю ваше внимание – он не искал *ответ* на вопрос, он *описывал*. Моим отцом двигало стремление передать сущность поступка Йозефа Шульца. Что помогло Шульцу преодолеть безнадежность от того, что его выбор, по сути, ничего не менял? Как он понял, что собственный выбор человека – это великая сила? Как смог он отбросить страх и эгоизм, которые мы все презираем, но которые тем не менее зачастую определяют наши поступки?

Ян-Эрик выдержал паузу. Он всегда делал паузу именно на этом месте, и слушатели обычно сидели, словно замороженные его словами. Впрочем, слова были не *его*, а его отца, но посредником выступал теперь именно он, Ян-Эрик. Его голос всегда был похож на голос отца, а за годы выступлений ему удалось сгладить различия настолько, что они вообще стали едва заметны. Знаменитые авторские читки отца слышал каждый, его голос давно превратился в национальное достояние. Но голос Акселя Рагнерфельдта теперь остался только в драгоценных записях. Инсульт, случившийся пять лет назад, лишил его речи, и право нести культурное наследие дальше перешло к Яну-Эрику. Переводы отцовских книг издавались по всему миру, роялти исправно поступали на счета семейного предприятия, которое со временем превратилось в небольшую империю с правлением и благотворительными фондами. И с приличной зарплатой, начисляемой Яну-Эрику, который следил за деятельностью предприятия в качестве исполнительного директора. На лекции его приглашали так часто, что порой приходилось отказывать. Впрочем, выступал он достаточно много. Ему нравилось путешествовать. А дома сидеть не нравилось. Работа возвышала его в собственных глазах. Позволяла чувствовать собственную важность.

– Возможно, Йозеф Шульц понял, что смерть настигнет его в любом случае, даже если он останется среди своих и поднимет оружие. Возможно, он понял, что если выберет легкий путь и выполнит команду, то, помимо четырнадцати человек, убьет в себе остатки всего человеческого. Сделает тот крошечный шаг, после которого человек, просыпаясь, уже не может смотреть на себя в зеркало. Возможно, он почувствовал, что после этого жизнь в любом случае закончится, останется только существование и ожидание неминуемой смерти.

Во взгляде женщины теперь читалось откровенное приглашение. Ян-Эрик коснулся клавиатуры компьютера, и фотография Йозефа Шульца, потемнев, исчезла. На ее месте появился отцовский портрет крупным планом, один из немногих, на использование которых издательство получило от отца разрешение.

– Йозеф Шульц не завоевал никаких стран и никому не спас жизнь. Вместо четырнадцати погибли пятнадцать человек. Уникальная отвага и гражданское мужество Шульца не принесли ему медаль за храбрость в бою. Его имя незнакомо большинству наших современников, в то время как имена Гитлера, Геринга и Менгеле вошли в учебники истории. Но, пожалуй, наиболее поразительно то, что спустя шестьдесят пять лет выбор Йозефа Шульца продолжает удивлять людей больше, чем выбор его боевых товарищей. Его поступок уникален, хотя он совершил лишь одно – он сделал то, что большинство из нас считает правильным. Если бы мы могли выбирать, кем бы мы захотели быть – Йозефом Шульцем или кем-то из остальных членов отряда?

В этом месте сделай паузу и огляди ряды зрителей.

– Кто, кроме меня, хочет быть похожим на Йозефа?

Ян-Эрик физически ощутил волну, прокатившуюся по людскому морю. Свет софита обжигал глаза. Каждая пора его тела раскрылась в предвкушении зарождавшегося ощущения. Как всегда после этой фразы, он оставил конспект на кафедре, медленно прошел к центру сцены и, не поднимая взгляда, остановился в точке, которую определил заранее. Открытый и лишенный защиты, которую давала кафедра, он обернулся и медленно поднял глаза на публику.

– Мой отец и Йозеф Шульц поняли, что поступки человека похожи на детей, которые продолжают жить независимо от нас и нашего желания влиять на них. Шульц и мой отец принадлежат к тому меньшинству, которое считает, что наградой за доброе дело является сама возможность его совершить. Это важно, чрезвычайно важно. Они доказали, что мы, побеждая собственный страх, побеждаем самого сильного врага. Я бесконечно благодарен за то, что моим отцом стал Аксель Рагнерфельдт и что у меня есть возможность передавать его идеи дальше.

Раздался взрыв аплодисментов. Ян-Эрик открылся зрителям, сделал шаг им навстречу, заставил поверить, что, по сути, все они похожи, как члены одной большой семьи. Но он еще не закончил.

– Я пришел сюда сегодня для того, чтобы продолжить начатое моим отцом и сделать так, чтобы Йозеф Шульц стал образцом для всех нас.

Ну вот, теперь действительно всё. Он посмотрел на нее и с удовлетворением отметил, что она хлопает не так, как другие. Чуть медленнее, держа ладони немного под углом, словно говоря: *ты великолепен, но не думай, что тебе удастся получить то, что ты хочешь*. Именно такой сигнал и доказывал, что ему это непременно удастся. Про себя он уже заранее радовался успеху.

Пришло время отвечать на вопросы. В зале зажегся свет, и теперь он мог рассмотреть публику. Общая масса внезапно обрела множество лиц, и, вернувшись на место за кафедрой, он закрыл глаза и попытался получить удовольствие от этого мгновения. От секунды, по истечении которой в центре внимания опять окажется его отец. Вырвавшись из богадельни, где пребывает его тело, душа отца прилетит сюда, и Яну-Эрику опять придется отступить на второй план.

Аксель Рагнерфельдт добился того успеха, который большинство родителей желают собственным детям.

Пожилой мужчина в конце зала поднял руку, и Ян-Эрик дал ему слово.

Не тыкай в человека пальцем, как баба. Показывай всей рукой.

– Я хотел спросить о книге «Тень».

Мужчина говорил с акцентом. Этот роман получил Нобелевскую премию. О нем спрашивали чаще всего.

Последнее из целого ряда триумфальных произведений наконец убедило Шведскую академию. В двухтысячном году, по итогам голосования, главная героиня романа Симона, выдержав жесткую конкуренцию с Кристиной из тетралогии Муберга про эмигрантов, была признана лучшим женским портретом в литературе XX века.

– На эту книгу, как известно, написано бесконечное число рецензий и отзывов, но я более всего поражен ее достоверностью. Когда меня освободили из Бухенвальда, мне было четырнадцать лет, и мне, выжившему в концентрационном лагере, трудно представить, как человек, который не пережил это сам, смог так точно все описать. Ваш отец, по-видимому, провел фундаментальное исследование, поскольку книга содержит множество совпадающих с реальностью фактов. В связи с этим мне хотелось бы спросить, как он собирал материал?

«Понятия не имею». Но так ответить нельзя.

Нужно поднапрячься, чтобы интересующаяся литературой публика осталась довольна.

– Мой отец был чрезвычайно закрыт в плане творчества и никогда ни с кем не делился. Никогда не рассказывал о том, как он собирает материал или откуда черпает идеи. В периоды, когда отец писал, он говорил, что «находится в состоянии», при котором слова сами приходят к нему, а он просто выступает в качестве приемного устройства.

Это было правдой, хоть ничего и не объясняло. Ян-Эрик и сам был бы не прочь узнать более точный ответ.

Задали еще несколько привычных вопросов. Отвечая, он избегал смотреть ей в глаза. Хотел, чтобы она засомневалась. Испугалась, что потеряла его. Но он постоянно чувствовал ее присутствие. Краем глаза фиксировал каждое ее движение.

Вечер всегда заканчивался чтением вслух. Он прекрасно знал, что его голос, так похожий на отцовский, способен обмануть слушателей. Свет погас, фотография Акселя Рагнерфельдта на экране померкла. Сцену освещала лишь точечная лампа на ораторской кафедре. Чаще всего Ян-Эрик читал один и тот же отрывок. Тщательно изучив отцовские записи, он добился полного сходства интонаций. Время от времени он поднимал взгляд и смотрел на нее поверх очков. Обычно он носил линзы и только на выступления надевал очки – так он больше походил на оригинал.

Последние строки он знал наизусть. Он читал их так часто, что мог спокойно наблюдать за публикой.

– Но, когда дело свершилось и наступил вечер, его овладели сомнения. Мятельный, тревожный дух разбил бивак у того же огня. Твои дела, добрые или злые, расходятся, точно круги на воде. Убегают вдаль и вечно находят новые тропы. Поэтому последствия твоих поступков бесчисленны, и неизмерима твоя вина за них.

Выступление закончилось, он медленно закрыл книгу, и софиты снова осветили сцену. Его голос растворился в полной тишине, и этой паузой немедленно воспользовался страх. Вечная боязнь того, что именно сейчас это случится. Публика в едином порыве поднимется и оглушающим ревом выразит свое разочарование. Он ни на что не годен. Он посредственность. Но тут, освобождая его от страхов и наполняя собой его жилы, раздались аплодисменты. Звук вдохновенно хлопающих ладоней согрел его, точно любовное объятие.

Он великолепен, он всем нравится.

Скорее бы расслабиться, добраться до мини-бара в гостиничном номере.

Прежде чем уйти со сцены, он посмотрел на женщину долгим взглядом.

Приходите в ложу.

На автоответчике обнаружились три сообщения. Первое от Элен, его дочери. Он забыл позвонить, как обещал. Второе от жены Луизы, она сердилась из-за того, что он не позвонил Элен. А третье от некой Марианны Фолькесон, которая разыскивала его, чтобы спросить о Грете Персон – экономке, жившей у них в семье, когда Ян-Эрик был маленьким. Дело давнее, однако, по распоряжению отца, акционерное общество Рагнерфельдт по-прежнему ежемесячно выплачивало Грете определенную сумму, что-то вроде пенсии за долгую и верную службу. Ян-Эрик записал номер Марианны Фолькесон и уже начал набирать номер дочери, когда в дверь осторожно постучали.

Он отключил мобильный и открыл.

Наконец-то ему не нужны слова-лауреаты. На этой сцене он и так звезда.

Ночью ему не придется страдать от одиночества.

* * *

«Отлично».

Именно это слово пришло ей в голову, едва она утром открыла глаза, хоть она, убейте, не понимала, откуда оно могло взяться. Она бы не удивилась, если бы подумала что-нибудь вроде «достали» или «задолбали», но это было именно «отлично» – слово, для которого у нее уже давно не было никаких поводов.

Луиза Рагнерфельдт завтракала, сидя за кухонным столом и слушая утреннюю возню дочери. Вблизи постепенные изменения незаметны. Только на расстоянии ты начинаешь отчетливо видеть, что распад прогрессирует, и уже невозможно дольше притворяться, будто ничего не происходит.

Как всегда. И пусть. Могло быть хуже.

Этот прием больше не работает. По крайней мере, если полжизни уже позади и ты в свои сорок три понимаешь, что годы пролетели очень быстро. А двенадцатилетняя дочь являет собой яркое доказательство тому, что и оставшаяся часть отпущенного времени промчится с той же скоростью. Потребность в чем-нибудь «отличном» возникала регулярно, но настоящее «отличное» должно идти от сердца.

Она вздохнула, в очередной раз услышав его автоответчик, и отключилась, так и не оставив сообщения. Иногда ей казалось, что по телефону говорит свекор, так похожи стали их голоса. Она все время путала их. Ей снова пришло в голову, что муж для нее стал таким же чужим, каким был и навсегда останется свекор. Может быть, отчасти она сама виновата, что толком не познакомилась с ним до инсульта, но так вышло не нарочно. Она умела расшевелить кого угодно, но в присутствии Акселя Рагнерфельдта внутренне сжималась, становилась молчаливой, скучной и так долго подбирала слова, что в результате не говорила ничего. А в тех редких случаях, когда она все-таки преодолевала себя, ее спотыкающиеся о бесконечные «как бы» и «наверное» фразы звучали скорее как вопросы, а не утверждения, и в итоге она умолкала под пристальным взглядом Акселя. Она сама себе удивлялась. Может, это было запоздалым проявлением ее разрыва с семьей, оставшейся в Худиксвалле, городе, где прошло ее детство. В их роду она первая получила высшее образование. Отец с матерью поддерживали Луизу и защищали от тех, кто считал ее выскочкой, но порой, видимо, и сами сомневались, не слишком ли высоко она задрала планку. В ее родном доме слова служили конкретными инструментами, и их без нужды не использовали. Считалось, что, если проблемы не обсуждать, они решатся сами собой. Мысли следовало держать при себе. Книжки были уделом людей образованных, представляющих другой, более утонченный социальный слой – учителей, врачей, начальников.

Уважение к власти имущим передавалось от поколения к поколению и было естественной частью существования. Каждый знал свое место и старался не нарушать раз и навсегда заведенный порядок. Такая ситуация всех устраивала, семьи держались вместе и помогали друг другу чем могли. По выходным для подзарядки выпивали. Но всегда почитали тех, кто владел словом. На родительских собраниях в школе и на приеме у врача снимали шапки и склоняли головы. Если же кто-нибудь в поисках лучшей доли пытался выйти за пределы своего круга, на него смотрели как на изгоя. А писатель считался фигурой таинственной, далекой и возвышенной, кем-то вроде фокусника, знающего то, чего другие не понимают, умеющего поймать неуловимое и описать то, чего никто больше не видит.

Как поначалу она гордилась тем, что носит фамилию Рагнерфельдт. Когда разговор заходил об Акселе, глаза ее друзей зажигались, любая связанная с ним информация была им интересна. Но она реагировала спокойно, была скупа на ахи и охи, и друзья решили, что она завидует великому человеку. Аксель Рагнерфельдт был национальным достоянием, и о

нем следовало говорить только в превосходной степени. Он, мудрейший из мудрых, в своих размышлениях о добре и зле вытаскивал из родного языка поистине потрясающие истории. И она прекратила говорить о том, что чувствовала, и сделала вид, будто превратилась в его поклонницу. Так ей было проще. Безграничное уважение, которое вызывал у нее свекор, сделало ее косноязычной, и она так и не узнала, что он за человек. А теперь онемел он, и – хотя она никогда бы в этом не призналась, она порой воспринимала это как освобождение.

– Я уйду!

Луиза встала, туго затянув пояс халата.

– Подожди!

– Через десять минут начинаются занятия!

Дочь была уже у двери. Луиза обняла ее, застегнула молнию на куртке.

– Ну, пока. В семь? Папа звонил?

– Нет.

Луиза сглотнула и натянуто улыбнулась.

– Он приедет, вот увидишь.

Элен промолчала. Дверь захлопнулась, Луиза осталась стоять в прихожей. Закрывала глаза, проклиная то, частью чего она со временем стала. Ее собственные страдания ничто по сравнению с тем, что читалось в глазах у дочери. Мольба о внимании. О том, чтобы ее заметили.

Прошло тринадцать лет. Ей было тридцать, Яну-Эрику тридцать семь. За два года до их встречи ее бросил мужчина, отношения с которым длились восемь лет и который был для нее дороже всех на свете. Биологические часы были выставлены на повтор сигнала, но горечь расставания и унижения сделали ее подозрительной. И тут она встретила Яна-Эрика.

Его ухаживания убедили ее, что великая и настоящая любовь приходит неожиданно, как удар молнии. Он подавил ее своей решительностью. Не считал ни деньги, ни расстояния, ни минуты телефонных разговоров. Рьяно, почти фанатично вел ее к намеченной цели. Все сомнения, все размышления прочь, они словно бежали спринтерскую дистанцию. Его торопливость, как ей казалось, доказывала искренность его чувств. Каждый день он устраивал ей сюрпризы, а по ночам спал рядом. Он, как ребенок, боялся, что она исчезнет, если он не будет держать ее за руку. У нее закружилась голова от такого поклонения. И, забыв о пережитом предательстве и унижении, она заняла центральное место во вселенной Яна-Эрика Рагнерфельдта. Элен родилась, когда с момента их знакомства не прошло и года.

Оглядываясь назад, Луиза думала, что Ян-Эрик повел себя тогда, как маклер, который спешит продать покупателю уже покосившийся дом.

Она направилась в ванную. Включила в душевой кабине воду и, стоя на приятно теплом полу, ждала, пока вода нагреется. Ремонт в ванной сделали совсем недавно. Ян-Эрик сказал, что она может устроить здесь все по своему вкусу. Она бы предпочла, чтобы вкус был *их* общий, но Ян-Эрик был очень занят, а для того, чтобы угадать, что именно ему понравится, она знала его недостаточно. Получался порочный круг.

Чтобы покрывать все их расходы, он много работал, но чем больше он работал, тем больше средств им требовалось. Ее взгляд упал на три специально заказанные эмалевые таблички над вешалкой для полотенец. Элен, Ян-Эрик и Луиза. Иллюзия семьи. Луиза сняла халат и вошла в душевую кабину.

Может, Ян-Эрик увидел в ней достойную добычу?

Когда он ворвался в ее жизнь, она как раз переживала свои пятнадцать минут славы. На нее упал луч из мира высокой культуры, к которому – как постепенно доказала их так и не сложившаяся жизнь – он так хотел принадлежать. После мучительного разрыва с бывшим любовником она вдруг ощутила потребность писать, хотя раньше особой тяги к слову не

испытывала. Как-то в порыве самонадеянности она отправила свои опусы в издательство. Поэтический сборник привлек большое внимание – у нее до сих пор сохранилась целая кипа пожелтевших от времени хвалебных рецензий. Говорили о блестящем дебюте. Называли многообещающим автором. Но за тринадцать лет и о ней, и о ее способностях все забыли.

Вначале она по наивной глупости считала, что новая фамилия поможет ей утвердиться на литературном поприще, но ей очень быстро пришлось убедиться, что это не так. Ее творчество затянула в себя черная дыра, которая окружала респектабельное имя Акселя Рагнерфельдта, – любой яркий объект поблизости моментально оттеснялся за кулисы.

Закрыв кран, Луиза потянулась за полотенцем. Вытерлась и тщательно смазалась увлажняющим кремом.

Издаലെка места опасных поворотов почти неразличимы. И невозможно отследить ту цепочку шагов, что привела ее к сегодняшней ситуации. Луизе казалось, что внимание Яна-Эрика слабело по мере того, как ее имя исчезало из газетных колонок. Может, он искал трофей для украшения гостиной семейства Рагнерфельдт? А потом, когда позолота на нем слегка потускнела, этот трофей спрятали в дубовый шкаф? Из центра вселенной Яна-Эрика Рагнерфельдта ее переместили в привратническую его империи.

Она посмотрела на свою грудь в зеркале. Упругая, идеального размера, как раз такая, как ему нравится. Швы больше не заметны. Она недорого заплатила, поскольку оперировал муж подруги, Ян-Эрик ничего об этом не знает. А зачем рассказывать? Ее грудь интересует его не больше, чем морская свинка соседского мальчика. Хотя нет, свинка, наверное, интереснее.

Вначале все было иначе. Ничто не могло помешать им заняться любовью на ковре в гостиной или на кухонном столе – где бы их ни настигло желание. Он был потрясающим любовником. Она поражалась его способности думать не о себе, а только о ней, он считал, что должен любой ценой доставить ей удовольствие. Когда она пыталась отвечать взаимностью, он снова перехватывал инициативу. Ей даже порой казалось, что ее ощущения для него важнее, чем его собственные. Он походил на циркового артиста, ловко демонстрирующего свое мастерство на арене, и у нее складывалось впечатление, что он воспринимает ее оргазмы как подтверждение того, что она его действительно любит.

Она забывала обо всем и почти стыдилась своей страсти. Но при этом все чаще замечала, что они теперь мало разговаривают и, несмотря на постоянный секс, отдаляются друг от друга. В конце концов ей показалось, что их общение свелось к контактам между эrogenными зонами. Она пыталась поговорить с ним об этом, но он делал вид, что не слышит. Если на другие темы говорить с ним было нелегко, то про физическую любовь – и вовсе безнадежно. Как будто для того, чем они без смущения занимались, вообще не существовало подходящих слов. Причиной ее робкого неудовольствия он считал неудовлетворенность его мужскими способностями и, чтобы доказать свою силу, завершал разговор очередным соитием. А однажды вечером, когда она снова попыталась завести беседу, у него внезапно пропала эрекция. Она уверяла, что в этом нет ничего страшного, пыталась удержать его рядом, но слова не подействовали. Он с видом разозленного зверя скрылся в кабинете, а ее испугала внезапная ярость в его глазах.

Дальше потянулись немые месяцы. Поначалу ей казалось, что они растеряли слова, которые могли бы им помочь, но потом она поняла, что таких слов у них никогда и не было. Она перепутала с любовью чувство общности, возникающее при физической близости, но в действительности муж так и остался для нее незнакомцем. Она знала о нем только то, что было на поверхности. С трепетом она ждала возобновления их отношений, но он к этому откровенно не стремился, а его враждебность повергала ее в растерянность. Она перепробовала все. Романтические ужины со свечами, наряды, билеты в театр. Ничто не помогло им сблизиться – напротив, ее неудачные попытки лишь усугубили проблему и увеличили

расстояние между ними. Но однажды, после визита к его родителям, когда она уже давно перестала надеяться, он вдруг переполз на ее половину кровати. Без слов, в полной темноте, неуклюжий и неловкий от выпитого за ужином вина, он взял ее и агрессивными толчками довел себя до оргазма. Это был последний раз. С тех пор прошло одиннадцать лет.

Ее ожидания подстроились под новую реальность, в которой вершиной близости стало похлопывание по плечу, и то когда этого было не избежать.

Она пристрастно рассматривала свое тело в зеркале. Не очень молодое, зрелое, но хорошо сохранившееся благодаря пластике груди и регулярным тренировкам.

Никому не нужное.

С каждым новым днем ее тоска все больше выходила из-под контроля. Желание еще раз испытать силу страсти. Хоть немного постоять на краю настоящей жизни. Она положила руки на грудь и прикрыла глаза.

Забыться. Поддаться поработавшей силе и отпустить поводья. А потом отдыхать в объятиях и чувствовать, что ты нужна.

После быстрой прогулки ровно в десять она открыла дверь бутика Louise на улице Ньюбругатан.

Здание принадлежало АО «Рагнерфельдт». ЯнЭрик с одобрения Акселя устроил этот бизнес для нее семь лет назад, когда стало очевидно, что ее писательский талант иссяк так же внезапно, как и появился.

Эксклюзивная брендовая одежда для платежеспособных клиентов, большинство из которых проживало в соседних домах. Луиза из всех сил старалась соответствовать тому образу жизни, который ей полагалось вести, но это требовало все больше и больше жертв с ее стороны. В свое время она получила диплом программиста, но после декретного отпуска по специальности не работала. И ее знания быстро устарели – с учетом скорости развития информационных технологий. К тому же Ян-Эрик считал, что ей больше подойдет роль хозяйки бутика, и она недолго думая согласилась. Конечно, бутик – это светское хобби. Доходы невелики и на семейный бюджет не влияют. Но у нее появилась своя ниша, и Ян-Эрик мог с чистой совестью заняться собственными делами. Если же она говорила, что он слишком много работает, он отвечал, что это необходимо для поддержания уровня жизни их семьи. Таким образом, Луиза попала в полную зависимость от Яна-Эрика и семейного предприятия Рагнерфельдт.

Она оставила верхнюю одежду в крошечном гардеробе за прилавком, вынула из сумки мобильный. Ян-Эрик так и не позвонил, хотя она оставила на его автоответчике напоминание о том, что у дочери сегодня спектакль.

Тяжело вздохнув, Луиза набрала номер Алисы Рагнерфельдт. Ответили, как обычно, не сразу. Свекровь страдала от стенокардии и уверяла, что в лечебных целях доктор велел ей каждое утро начинать с глотка виски величиной с бутылочную крышку. Какими крышками пользовался доктор, Луиза не знала, но у свекрови они наверняка были гигантскими.

После двенадцатого сигнала трубку наконец сняли.

– Алиса Рагнерфельдт слушает.

– Это Луиза. Как вы себя чувствуете?

В трубке замолчали. Луиза пожалела, что спросила именно так, – ответ она знала заранее.

– Спасибо, как обычно.

Луиза поспешила задать следующий вопрос до того, как началось подробное описание самочувствия свекрови.

– Я звоню спросить, не хотите ли вы пойти сегодня вечером в школу к Элен на спектакль?

– Вечером?

– Да, в семь.

Последовало долгое молчание. Луиза слышала тяжелое дыхание Алисы. Затем прозвучал обязательный вопрос:

– А Ян-Эрик придет?

– Не знаю, если успеет. Вчера у него была лекция в Гетеборге, он должен вернуться либо дневным, либо вечерним поездом.

Отвечая, Луиза вдруг задумалась, почему она не говорит правду. Почему всегда инстинктивно защищает его. Всякий раз, когда она сталкивается с его родителями, у нее в голове словно срабатывает рубильник, включая режим внешнего благополучия, который нужно сохранить любой ценой, чтобы никто не усомнился в том, что она на что-то годна.

Если отношения Луизы с Акселем в последние годы пребывали в состоянии неопределенности, то ее контакты с Элис всегда отличались высокой эмоциональностью. Поначалу свекровь демонстрировала ей откровенное неприятие, но с годами смирилась с обстоятельствами. Сдержанность – это всё-таки лучше, чем ничего, а для Луизы почему-то было важно, чтобы ее признали, чтобы по-настоящему впустили в свою жизнь. Ей хотелось действительно стать членом семьи Рагнерфельдт, а не просто стоять рядом, греясь в отблесках их славы. Или пылиться в кладовке, как наскучившее украшение.

Алиса Рагнерфельдт пока не определилась с планами и попросила Луизу перезвонить после обеда.

Как и предполагалось, Ян-Эрик на спектакле не появился.

Материнское сердце переполнил праведный гнев, когда она заметила, как при виде пустого места рядом с ней во взгляде дочери погасла надежда. Следом пришла мучительная мысль о том, что ей снова придется покрывать его предательство ради того, чтобы хоть как-то развеять огорчение дочери. Злость и бессилие не позволили ей получить удовольствие от спектакля.

Так жить нельзя. Невозможно. По крайней мере, если хочешь вернуть себе слово «отлично».

Он появился лишь в одиннадцать. Элен уснула, а она сидела с бокалом обезболивающего в кресле у эркера.

– Привет! – радостно прозвучало из прихожей.

Она пожалела, что не легла в кровать. Не спряталась в темноте, повернувшись к нему спиной, не попыталась избежать этой встречи. Как же она устала ломать эту комедию!

Раздался звук приближающихся шагов, и Ян-Эрик показался в гостиной. Вид у него был усталый и помятый.

– Здравствуй.

– Здравствуй.

Она поспешно опустила взгляд, смахнув что-то с подлокотника.

– Жаль, что я не успел к Элен на спектакль. Поезд опоздал.

– Тебе определенно не везет с поездками. Мне казалось, что лекция была вчера.

Он приблизился к позолоченному столику с бутылками. Стоя спиной к ней, налил себе виски. В последнее время он делает это все чаще и чаще. Наливает виски. Ночью, возвращаясь в спальню из туалета, она явно чувствует, чем пахнет его дыхание. Но бокал в руках самой Луизы словно бы лишал ее права упрекать мужа.

– У меня была пара встреч с гетеборгскими предприятиями. По поводу сбора средств для медицинского центра в Сомали. А что у вас?

«Ничего. Не считая того, что ты в очередной раз разбил сердце дочери, – хотелось ей ответить. – А дочь при этом даже разочарование постаралась скрыть – вот как далеко дело зашло. Она и словом не обмолвилась о том, что отец ее снова проигнорировал».

– Для какого медицинского центра?

Он посмотрел на нее с удивлением:

– Разве ты не знала? В прошлом году мы открыли там медицинский центр.

– Нет, не знала. Откуда мне знать, если ты об этом не рассказывал?

Голос звучал жестко и обиженно. Она презирала себя за то, что не смогла преодолеть злость, подступавшую медленно и незаметно и внезапно прорвавшуюся наружу.

– Ну что ж, прости. Мне казалось, я рассказывал, или, может быть, я подумал, что тебе это будет неинтересно.

Она посмотрела в окно. За верхушками деревьев виднелась колокольня церкви Хедвиги Элеоноры. Все верно, ее действительно это не особенно интересует. Она знала, что они зависят от его работы и что эта работа приносит пользу. Фонды и детские дома, учрежденные от имени Акселя, где-то далеко спасают человеческие жизни. Но проявить интерес к делам мужа значило то же, что добровольно отправиться на собственную казнь. Ее внимание будет наверняка отвергнуто. Всегда найдется что-то более важное, чем она и Элен. Наверно, она слишком эгоистична. Будь она хорошим человеком, она бы, пожалуй, могла забыть о себе и страданиях дочери – ради чего-то главного. Но хорошим человеком она не была.

– Я предлагала твоей маме пойти в театр.

– Мило с твоей стороны.

– Не очень. Я думала об Элен, а не о ней. Но она не смогла. Осталась дома – лечить стенокардию, больное бедро и шум в ушах.

Ян-Эрик залпом опустошил бокал и налил себе еще виски.

– Да, ей нелегко. Ей ведь в этом году восемьдесят. Будем надеяться, что в следующий раз мы сможем пойти втроем.

Луиза снова посмотрела в окно. И пожалела, что находится в этой комнате, а не где-нибудь далеко, хотя бы по другую сторону улицы.

– Да, это будет прекрасно. Уникальное событие, аншлаг Рагнерфельдтов, к Элен наконец придут зрители!

Она ненавидела каждый звук, вырывавшийся из рта. Ненавидела себя за то, что разучилась выражаться иначе. Ненавидела за то, что ее раздражение прорывалось в мелочах. Он не туда поставил туфли в прихожей, неправильно загрузил посудомоечную машину, не так положил подушки на диване. Но больше всего она ненавидела его за то, что он не поддавался на провокации. Словно непобедимый герой компьютерной игры, он выходил невредимым из любой смертельной схватки и всегда был готов к новому сражению. Его снисходительная невозмутимость сводила ее с ума. Даже на ссору с ней он не шел – как будто Луиза не стояла и ссоры. Он поставил бокал на стеклянную столешницу:

– Я пойду спать. Завтра мне надо к маме. Умерла Герда Персон.

– Вот как? А кто такая Герда Персон?

Он бросил на нее быстрый удивленный взгляд:

– Наша старая экономка.

Герда Персон. Это имя она слышит впервые.

– Позвонили из муниципалитета по поводу похорон. Думаю, ближе нас у нее людей нет. Точнее, не было. Она прожила с нами все мое детство, года до семьдесят девятого-восемидесятого, так что, я думаю, мы должны помочь с похоронами. Мама знала ее лучше, поэтому я поговорю с ней.

Ян-Эрик вышел, и Луиза услышала, как открывается и тщательно запирается дверь в ванной. Он словно боялся, что она ворвется и начнет к нему приставать.

Рядом с ней живет незнакомец. Все его детство прошло в обществе Герды Персон. Но он никогда не упоминал этого имени. Еще одно доказательство того, что он намеренно и вполне успешно не впускает Луизу в свою жизнь. Как в настоящую, так и в прошлую. И неизвестно, что он думает о будущем.

Все ее мысли и переживания раздвоились. С одной стороны, она хотела вернуть себе украденные мечты. С другой – страдала от сложившегося положения вещей и от полного безразличия Яна-Эрика. Эти два жернова перемалывали все происходящее в мельчайшую пыль, которой медленно покрывалась ее жизнь. Выход, разумеется, был. Тот, который уже предпочли многие. Число разводов росло так стремительно, что в магазинах выстраивались очереди за коробками из-под бананов. Но между *я бы хотела* и *я хочу* простиралась пропасть. Частью этой пропасти была Элен. Принять решение – значило кардинальным образом изменить ее жизнь. Следующий момент имел отношение к финансам. Все ценное в их жизни принадлежало АО «Рагнерфельдт», владельцем которого по-прежнему был Аксель. Квартира, машина, бутик. После развода Луиза останется ни с чем. Пока жив Аксель. Иногда эта мысль приходила ей в голову – причем в последнее время все чаще и чаще. После получения наследства ее положение изменится. Луиза догадывалась об истинных причинах раздражения, которое временами поднималось на поверхность и сжимало ее сердце железной хваткой. Она не могла простить себе и мужу их поражения.

Если ничего не изменится, развод станет для нее единственным выходом в тот день, когда умрет Аксель.

А если все останется как есть, ей придется навсегда вычеркнуть слово «отлично» из своего лексикона.

Он научился притворяться, что спит. Одетый в пижаму, он лежал под одеялом на своей половине двуспальной кровати, улавливая звуки: тихие шаги босых ног Луизы по дубовому паркетному полу, шелест снимаемого халата. Потом она присела на край постели, сняла кольцо, кольца и серьги, и украшения одно за другим с тихим звоном опустили в маленькую хрустальную вазу на прикроватном столике. Выдвинула ящик, отвинтила крышку тюбика с увлажняющим кремом и тщательно смазала руки. Неизменный порядок. Каждый вечер. Идеальный пример визуализации слова «рутина».

Преыдущей ночью он почти не сомкнул глаз, однако заснуть не удавалось. Сердце неприятно стучало, хотелось незаметно выскользнуть из спальни и выпить еще виски. Кроме того – хоть Луиза и считала, что Ян-Эрик на это не способен, – его мучила совесть из-за пропущенного спектакля. Он опять не пришел к Элен. А ведь собирался. Думал уехать из Гетеборга дневным поездом. Но *она* попросила остаться еще на несколько часов, сказала, что возьмет отгул на работе, и он не нашел в себе сил отказаться. Решение, как обычно, было принято где-то ниже пояса, и он – в восторге от своих возможностей – наслаждался собственной опытностью, заставляя *ее* стонать от удовольствия. Но едва только все закончилось, наступило отвращение. Сильнейшее омерзение, словно у *нее* внезапно выросли щупальца. Однако на поезд он уже опоздал.

Дыхание Луизы стало глубже, и Ян-Эрик решил, что она уснула. Впрочем, может, она, как и он, притворялась. Нужно устроить отдельные спальни, тогда можно будет хоть спокойно читать по вечерам. Но для этого придется признать проблему, а он ненавидел открытые конфликты. Потому что они могли легко выйти за привычные рамки и затронуть что-нибудь такое, что вначале никому не приходило в голову.

А это слишком рискованно.

Его чувство вины не поддавалось описанию. Он не мог долго выносить собственный дом и бежал отсюда при первой возможности. И тем не менее всегда стремился сюда. С комком в горле и тяжелой совестью он возвращался домой, больше всего на свете мечтая обрести покой и мир. Как боксерская груша, принимал все удары жены, терпел ее едкие комментарии. Много раз он собирался исправиться, стать другим, обещал себе не пить и не изменять. Но вопреки всем добрым намерениям, вскоре его снова охватывало беспокойство, похожее на внутренний зуд. Тогда оставалось одно – уехать и оторваться по полной. Только это и помогало.

Приподнявшись на локте, он отпил воды из бокала, стоявшего на прикроватном столике. Полоска света от уличного фонаря, пробравшись сквозь деревянные жалюзи, легла поперек двуспальной кровати. Он посмотрел на Луизу, которая спала, повернувшись к нему спиной.

Тогда, тринадцать лет назад, он был уверен. Уверен как никогда. После бесконечного числа коротких романов и партнерш на одну ночь он встретил наконец женщину, которую искал. Ту, которая сможет излечить его и избавить от оцепеняющей пустоты. Он пытался и раньше, но все его предыдущие любовницы не дотягивали до заданной планки. На этот раз все будет иначе. Он устал от жизни, которую вел, и все чаще улавливал жалость в глазах молодых женщин. В тридцать семь лет пора прекратить подростковый бунт, начавшийся шестнадцать лет назад, когда он вернулся из Штатов. Ночи в клубах и ресторанах, наркотики, шальные деньги. Чужие женщины, которые наутро не сохраняют ни капли своей вечерней привлекательности. Луиза станет его броней. Она поможет ему упорядочить жизнь, и он наконец докажет, что способен не только ползать в тени своей знаменитой фамилии. Она отлично укладывалась в формат. Умная, красивая, талантливая поэтесса. На отца это производит впечатление. А мать в любом случае будет недовольна.

Он осторожно приподнял одеяло и, не спуская глаз со спины Луизы, бесконечно долго выбирался из постели, стараясь не разбудить жену. Она не пошевелилась. Надев халат, он тихо закрыл за собой дверь. Привычными шагами прошел по скрипучему паркету. Дверь Элен была приоткрыта, в комнате горел красный ночник. Сам не понимая зачем, Ян-Эрик остановился и долго смотрел на дочь. Она спала, и никто не мешал ему думать о своей любви к ней. Одеяло у Элен упало, и он заботливо поправил его, прежде чем идти дальше.

За книжными полками в кабинете была припрятана бутылка виски. Оставив дверь открытой для лучшей слышимости, он сделал несколько глотков из горлышка. Бросил взгляд на стопку с почтой в адрес АО «Рагнерфельдт», но открывать ничего не стал. Два письма были похожи на читательские. Отец по-прежнему получал их, два-три в неделю. Ян-Эрик обычно отправлял в ответ фотографию с факсимильной подписью Акселя.

В ванной почистил зубы. Тщательно стер запах алкоголя. Затем намочив немного туалетной бумаги, убрал белые брызги зубной пасты с зеркала. Чтобы избежать очередного скандала.

Он вернулся в спальню и залез в кровать.

Всё так хорошо начиналось. Он не мог ею насытиться. Впервые верил, что нашел женщину, способную, словно магнит, удерживать на себе его взгляд, который раньше то и дело ускользал в сторону от первоначально заданного направления. Влюбился страстно. Она же, окруженная ореолом таинственности, поначалу противилась сближению, и от ее сопротивления он сходил с ума. Страсть затянула его словно омут. Он хотел быть рядом с Луизой, хотел знать, о чем она думает, когда молчит, хотел ощущать ее запах, любить ее, держать крепко и никогда не отпускать. В конце концов она не устояла перед его натиском.

На этот раз враг немного повременил. Раз-другой попытался – и отступил. Ян-Эрик решил, что победа наконец на его стороне. И не заметил, как его медленно, но верно окру-

жили. Она начала требовать слишком многого, занимать слишком много места. Ему все чаще хотелось как-то ее «разбавить». Она звонила в самое неподходящее время. Накрывала интимные ужины при свечах, за которыми с любопытством выспрашивала его секреты и зачем-то делилась своими. Дарила подарки и устраивала сюрпризы, вынуждавшие его к выражениям благодарности.

Путь к спальне, где он мог наконец блеснуть своими способностями, проходя через повседневность, становился все более долгим и извилистым. Яна-Эрика начали мучить подозрения. Он явно видел, как жена все отчаяннее стремится стать незаменимой. И однажды чувствам пришел конец. Тайна превратилась в знание, интерес – в рутину. Бреясь утром в ванной, он видел на сушилке при свете дня ее белье, которое еще недавно было тайной, целый день будоражащей его воображение.

Ее красота, рассортированная по тюбикам и баночкам, теперь хранилась на полочках в ванной. Ее мысли, которые когда-то его увлекали, при ближайшем рассмотрении оказались вполне заурядными.

Женщина подобна ночному городу, на который смотришь издалека. На горизонте волшебными драгоценностями заманчиво сверкают огни, дразнят обещаниями и возможностями. Но вблизи город ничем не отличается от других – те же требующие ремонта дома и мусор на тротуарах. Дружбы Ян-Эрик не искал – дружба не приносила ему облегчения. Ему была нужна страсть и безудержный секс, и оттого, что Луиза обманула его ожидания, он испытывал ярость.

Влюбленность в очередной раз обернулась разочарованием. Так бывает с кокаиновой дозой. На какое-то время наступает подъем, за которым неизбежно следует падение, еще более безысходное.

Он решил закончить их отношения без объяснений. Просто выйти за сигаретами и не возвращаться. Но именно в тот вечер она усадила его на диван и со счастливой улыбкой сообщила, что у них будет ребенок.

Он проснулся раньше, чем прозвонил будильник. Тихо подошел к тумбочке Луизы и выключил сигнал, потом отправился будить дочь. Ему очень хотелось побыть с ней наедине, попросить прощения за то, что пропустил спектакль. Он постоял немного, глядя, как она спит. Такая большая, но еще ребенок.

– Элен.

Она пошевелилась.

– Элен, пора вставать.

Он положил руку ей на голову и неловко похлопал по щеке. Элен открыла глаза и увидела отца.

– Привет!

Дочь явно обрадовалась ему, потянулась в кровати.

Улыбнувшись, Ян-Эрик сказал:

– Я приготовлю завтрак. Что ты обычно ешь?

– Молоко и бутерброд. С сыром.

Он хотел попросить прощения за вчерашнее, но не находил слов. Немного помявшись, он наконец сдался и вышел из комнаты. В очередной раз поразившись тому, как трудно выбрать правильное поведение. Он любил дочь, но при этом она его пугала. Ее явная зависимость от него и потребность в общении стесняли. Вынуждали его занимать оборонительную позицию. Он не мог дать ей того, чего она хотела. У него этого попросту не было. Она постоянно напоминала о его несовершенстве. И если совсем честно, из-за нее у него часто портилось настроение.

Приготовив бутерброд, он вышел в прихожую за утренней газетой. Когда он вернулся, Элен уже сидела за кухонным столом, он сел напротив. Сейчас. Сейчас он попросит прощение.

– Как в школе?

– Хорошо.

Она продолжала жевать.

– Контрольных много?

– Ну, так, не очень.

Она допила молоко и встала, чтобы взять из холодильника добавку. Он понял, что времени не остается. И начал снова.

– Я хотел сказать, что... Может, ты хочешь еще бутерброд, давай я сделаю.

– Нет, спасибо. Где мама?

– Спит.

– Ты не видел мою зеленую заколку?

Залпом допив молоко, она поставила стакан в посудомоечную машину и вышла из кухни, прежде чем он успел что-то сказать. Из спальни донеслись приглушенные голоса Элен и Луизы. Доверительные разговоры, в которых он никогда не участвовал.

Нить, связывающая его с дочерью, была слишком слабой, чтобы состязаться с цепью, которую удалось сплести Луизе.

Но была еще одна причина, тайная, о которой знали только он и его отец. Внешняя.

В семье Рагнерфельдт не разводятся.

До рождения Элен Аксель вообще не верил, что сын способен стать хорошим семьянином. И хотя сейчас отец способен только обжигать Яна-Эрика сердитыми взглядами, в день, когда он умрет и придется делить имущество, его неудовольствие может обрести гораздо более конкретные формы. Отказать в праве наследования Яну-Эрику, конечно, не смогут, но ловкое и прекрасно разбирающееся в юридических тонкостях перо отца позаботилось, чтобы доля Яна-Эрика оказалась мизерной – если на момент оглашения завещания он не будет вести достойную жизнь.

Ян-Эрик сам читал этот документ. В день, когда Элен исполнился год, отец безупречным профессиональным языком закрепил собственную волю. Между строк завещания читалось откровенное презрение, и большая часть средств отписывалась в пользу Луизы и Элен. Пока брак в силе, это не важно, Ян-Эрик может вести дела и отчитываться перед аудитором. Но при разводе все выйдет наружу, и Луиза окажется главным победителем.

– Я сделал это ради Элен, – объяснил ему отец. – Она наша будущая наследница.

Потом они вернулись к столу, и Ян-Эрик напился коллекционным вином. И даже поучаствовал в непринужденной светской беседе, хотя внутри все клокотало от злости. Оттого, что его обошли наследством.

В тот вечер он попытался, преодолев себя, заняться любовью с Луизой, но не смог избавиться от мысли, что трахает собственного надзирателя.

* * *

Алиса Рагнерфельдт просыпалась рано без будильника.

Отнюдь не по собственной воле – она всегда любила ночь, любила занимать пространство, которое освобождали спящие. Но бодрствование и бессонница – это разные вещи. В последнее время ей хотелось лишь одного – выспаться, но снотворное действовало только несколько часов. В час волка ее будил приступ стенокардии. Сердце сжимало, казалось, все

ужасы мира давили ей на грудь. Старость, как выясняется, это нечто иное, как затянувшаяся агония. И лицо незнакомой старухи в зеркале.

Ожидания юности, словно по мановению волшебника, обратились в недоумение перед старостью. Все так быстро прошло, и так мало осталось. Цепочка случайностей незаметно завела ее туда, откуда уже не выбраться. Важные решения, насколько она помнила, всегда принимались без нее. Люди, внезапно появившись в ее жизни, вскоре опять уходили – каждый своей дорогой.

Все рассеялось, но ничего не потерялось. Дух еще присутствует, но он похож на законсервированный прошлогодний фрукт...

Впрочем, сегодня ее поднял с кровати не сердечный приступ, а боль в правом бедре. Она ждала этого и, вытягивая ногу, чтобы снять судорогу, зажгла лампу и вытащила из тумбочки пластиковую папку с газетными вырезками. Пролистав, нашла нужную.

«Экспрессен», 15 сентября:

900 000 шведов страдают почечными заболеваниями – в большинстве случаев даже не догадываясь об этом. Простой тест поможет определить наличие почечной недостаточности.

Алиса пробежала текст глазами – головная боль по утрам, усталость, первые и наиболее распространенные симптомы, дальше зуд, отеки, тошнота, на более поздних стадиях рвота – и вот оно, вот это место. «Онемение и покалывание в ногах, что, по-видимому, вызвано нарушением солевого баланса». Нужно попросить Яна-Эрика отвезти ее в поликлинику. Надо позвонить и записаться. Она заставит их сделать новый анализ, даже если они не посчитают это необходимым.

Алиса встала и открыла жалюзи – за окном еще было темно. Надев домашние туфли и халат, она вышла в кухню. Оторвала листок на календаре, налила воду в кофеварку. Сегодня одной чашки не хватит, в десять придут Ян-Эрик и некая Марианна Фолькесон, так что лучше сварить кофе прямо сейчас.

Кроме всего прочего, нужно удостовериться, что все будет в порядке, когда на супругу Акселя Рагнерфельдта придут смотреть посторонние.

Герда Персон.

Непонятно, какое они могут иметь отношение к ее похоронам, но Ян-Эрик почему-то настаивал. Она налила в стакан воды и выпила лекарство, отставив фляжку со спиртным в сторону. Обычно она позволяла себе глоток виски от стенокардии, но ей не хотелось, чтобы Ян-Эрик почувствовал запах алкоголя. Теперь он бывает у нее редко – очень занят. В последнее время Алиса общается в основном с Луизой. Подумать только, сыну уже пятьдесят! Ее мальчику. А Аннике было бы сорок пять. Алиса сжала зубы. Непрошенные воспоминания порой обрушивались на нее, хоть и не так часто, как прежде. Тирания старости. Неповоротливое настоящее приводило в движение прошлое.

Волевая, требовательная, с четкими представлениями о жизни, в молодости она знала все наперед. Впечатленная идеями Элин Вагнер¹ и движения за права женщин, она уж точно не намеревалась повторять ошибки других. Современная женщина должна быть сильной, брать на себя ответственность и требовать большего – и от себя, и от мужчины. Вместе мужчина и женщина построят лучший мир.

Так писала Элин, и Алиса соглашалась с каждым ее словом. Третья из пяти детей в семье, она послушно помогала в хозяйстве, из чувства самосохранения стараясь приспособиться к маленькому социуму, в котором порядок был определен заранее и все дороги в будущее проторены. Но в глубине души она нетерпеливо ждала чего-то иного. Она была не

¹ Элин Матильда Элизабет Вагнер (1882–1949) – шведская писательница, педагог, общественный деятель, активистка феминизма и пацифистского движения.

такой, как ее братья и сестры. Почему-то ее не устраивала их судьба. Почему-то она никогда не останавливала взгляд на предметах, располагавшихся в пределах видимости, и всегда смотрела за горизонт. Туда, где не слышен шорох гравия под велосипедными шинами и куда не долетают крики с футбольного поля. Где не пахнет свежескошенной травой, а на улицах встречаются сплошь незнакомые лица. Где даже смена времен года не позволяет чувствовать себя в безопасности.

Ее пристанищем стала литература.

Она считала дни до срока, когда можно будет вырваться и убежать в большой город со всеми его возможностями.

Наполнив одну чашку, она перелила оставшийся кофе в термос и посмотрела на свои ноги. Да, отеки немного, особенно онемевшая правая. Надо звонить, как только откроется поликлиника. Она бросила взгляд на кухонные часы. Ян-Эрик появится через три часа. До этого она успеет завить волосы на бигуди, чтобы быть красивой, когда они придут. В той мере, в какой она сейчас может быть красивой. Густые каштановые волосы, правда, остались в прошлом, но почему бы не порадовать себя воспоминаниями?

Тогда, в конце сороковых, Алиса укладывала длинную челку с помощью заколки. Ей уже исполнился двадцать один год, она достигла совершеннолетия, и родители больше не имели права ее удерживать. Однако ее отъезд вызвал в семье настоящую бурю, и Алиса покинула дом, сопровождаемая зловещими пророчествами. Сняв комнату у сердитой дамы в районе Васастан, она начала искать работу, не важно какую. Главное – иметь возможность писать, а трудности ей нипочем, потому что у нее есть цель. Домашние еще поймут, что были к ней несправедливы.

Уже на второй день Алису взяли помощником мастера в парикмахерскую «Сити-палас» на площади Нормальмсторг. Она должна была мыть голову клиентам, варить кофе и следить за чистотой инструментов. Все это делалось под содержательные разговоры посетителей и парикмахеров. Некоторые из них вдохновляли ее сочинять по ночам рассказы или, в крайнем случае, заметки для какой-нибудь газеты.

Новичок в столице, она первым делом разузнала, где обитают единомышленники. Непризнанные гении с такими же, как у нее, розовыми мечтами и пустыми кошельками. Избранные, чье искусство будет отмечено в истории культуры золотыми восклицательными знаками. Молодые женщины и мужчины, проводящие время в кафешках квартала Клара, были творческими собратями и потенциальными партнерами по сексу. Война закончилась, будущее таило в себе массу возможностей. Встречаясь вечером в «Иве и листе», будущие поэты и писатели тосковали по Парижу, курили «Голуаз» и старались попасться на глаза репортерам из расположенных по соседству крупных газетных редакций.

Рагнерфельдт был одним из многих, поначалу Алиса даже внимания на него не обратила, да и он особого интереса к ней не проявлял.

Она встала и подошла к холодильнику. Убедилась, что в доме есть молоко. Ян-Эрик всегда пьет кофе с молоком. А она любит черный.

Эта привычка издавна помогала ей сохранять бодрость, когда слипались глаза. Днем бесконечные стрижки и прически, ночью – перестук портативной пишущей машинки «Роял», которую она купила за семнадцать крон в комиссионном магазине на улице Хант-веркаргатан. Потом сердитая домохозяйка запретила Алисе использовать «дьявольскую машину», и ей пришлось писать от руки. Корзина, полная мятых листов, и рукописи, возвращенные из газет и издательств.

По вечерам в Клараквартирен разбавленные красным вином горести слабели, но крепи снова после получения очередного отказа из издательства.

Из дома не писали, несмотря на то что она время от времени сообщала им, что у нее все хорошо. Лишь однажды пришла весточка от старшей сестры – типографская открытка со стандартными пожеланиями доброго Рождества и веселого Нового года.

Когда становилось совсем невмоготу, Алиса с тоской вспоминала время, когда она пропалывала в поле колючие сорняки и потела, смётывая сено в скирду. Та работа приносила конкретные результаты, а теперь Алиса только и делает, что переливает из пустого в порожнее. Она уже была готова признать, что проиграла, когда все вдруг изменилось.

Письмо в несколько строк явилось подтверждением того, что свое поле она наконец прополола и скирду сметала.

Воспоминание заставило ее улыбнуться. В тот день она появилась в кафе как королева и объявила, что у нее приняли рассказ. Она почти физически ощутила, как приподнялась над остальными и заняла место среди избранных благодаря тому, что именно ее тщательно подобранную комбинацию слов признали наиболее профессиональной. Ее дверь открылась, в то время как остальные все еще колотили в свои кулаками. Улыбки. Несколько искренних, но большинство недоверчивых: как могло случиться, что мир до сих пор не оценил их гениальность, а на ерунду, которую придумала Алиса, вдруг обратил внимание?

Внезапно с противоположной стороны стола ее обжег взгляд синих глаз Акселя. У нее даже дыхание перехватило. Он единственный не улыбался, не пил за нее и не поздравлял. Просто смотрел на нее пристальным взглядом, и было ясно: он хочет ее. Нечего тратить время на эту шушуру – надо сейчас же, сию минуту, уйти с ним. От этой мысли у Алисы закружилась голова. Единственный раз плюнуть на все условности и поддаться влечению. Наконец зажить жизнью, к которой она стремилась.

В тот же вечер они заключили договор.

Искусство превыше всего. Вместе они осуществят свои мечты и подарят миру то, что он давно ждет. И с безудержной страстью они принялись за дело.

Поначалу все шло прекрасно. В реальность происходящего было даже трудно поверить. Да, она часто именно так и думала – все это слишком хорошо для того, чтобы быть правдой. Казалось, осуществились ее детские мечты. Она писала домой длинные, но уже не такие смиренные, как раньше, письма, рассказывала обо всем, но ответов по-прежнему не получала.

Они перестали ходить в Клараквартерен. Отгородились от мира и посвятили себя творчеству. В издательстве Алисе заплатили небольшую сумму авансом, время от времени кому-нибудь из них в виде дополнения к скудному семейному бюджету удавалось продать свое стихотворение. Через знакомых Акселя они сняли маленький домик из двух комнат и кухни на окраине Стокгольма. У каждого – комната с кроватью и письменным столом. Они вдвоем, это придавало им мужество и защищало от посредственностей. Два заговорщика, которые днем уединяются каждый в своем мире, а вечером с пылкой страстью воссоединяются.

Снова присев за кухонный стол, она посмотрела на свою кофейную чашку. Герда купила ее в семидесятых годах. Может, сказать об этом даме из муниципалитета, чтобы это отметили на похоронах? Все-таки что-то личное. Переехав в эту квартиру после того, как у Акселя случился инсульт, она почти ничего с собой не взяла и понятия не имела, откуда здесь взялись эти чашки. Она была не в состоянии собрать вещи, их паковали Ян-Эрик и Луиза. Да, наверное, это они положили. Довольно некрасивые чашки, если присмотреться.

Алиса потрогала обручальное кольцо. Чуть сдвинув его, посмотрела на след, оставленный на пальце.

Пятьдесят пять лет она не снимает его, и оно все глубже врастает в кожу. В тот день были только они вдвоем и священник, гостей не позвали. Даже родителей Акселя не позвали. Она знала, что он потом жалел об этом, но поскольку ее родители приехать не захотели, то своих он тоже решил не приглашать. Для равновесия.

Как он тогда говорил.

Заклучив союз, они отказались от своих фамилий, придумав себе новую – Рагнерфельдт.

Имя, которое понесет в мир их Слово.

Оба напечатали по роману, сначала она, потом он, и их вновь созданная фамилия начала все чаще попадать на страницы культурной хроники. Критики сетовали на их молодость, и тем не менее хвалебные рецензии встречались довольно часто. Они искренне интересовались творчеством друг друга. Следили за причудливым ходом мысли, советовали, когда это было нужно, приободряли. Опубликовав по второму роману, они доказали, на что способны, но им хотелось большего. Книги продавались небольшими тиражами, и издательства выплачивали аванс без особой охоты. К тому же после многочисленных газетных рецензий писать стало труднее. Первой книгой удивить читателя легко, куда труднее соответствовать заданной планке. Между ними началось соревнование. Каждый теперь больше концентрировался на собственной работе и меньше интересовался тем, чем занят другой. Вечерние обсуждения текстов друг друга почти сошли на нет – время слишком дорого, чтобы тратить его на что-нибудь, кроме собственного творчества. Однако некоторые вещи можно успеть сделать даже при дефиците времени. Через год родился Ян-Эрик, и они купили дом в Накке. Контакты со старыми друзьями прервались окончательно, поскольку те с презрением отнеслись к новой буржуазной жизни Рагнерфельдтов.

Началась новая эра.

Вместо вдохновенного сочинительства – бессонные ночи и смутные дни. Ради нового члена семьи им пришлось завести новые порядки, которые нарушали планы издательств. Уважительное отношение к пространству друг друга сменилось необходимостью защищать свою территорию. Казалось, причудливые персонажи романов вторгались в реальность, конкурируя с кричащим ребенком, который требовал постоянного внимания.

Тех часов, когда Ян-Эрик спал, не хватало. Чтобы избежать споров и писать по очереди, они составили график, но и этого времени было мало. И тогда они попытались решить проблему по-другому – на сцене появилась Герда. Чтобы убирать, готовить и выполнять прочие ежедневные обязанности, из-за которых они оказались в ситуации, не оставлявшей для творчества ни малейшего шанса.

Герда Персон.

Алиса снова почувствовала раздражение перед предстоящим разговором. Столько шума из-за этой смерти. У государства и так ни на что не хватает денег, неужели муниципалитету больше нечем заняться. О Герде Алиса знала немного, хотя они почти двадцать пять лет прожили под одной крышей. С рождения Яна-Эрика и до того, как Герде исполнилось шестьдесят семь и ей уже самой потребовалась помощница по хозяйству. Впрочем, она бы ей и раньше не помешала, потому что, честно говоря, Герда никогда не отличалась особым пристрастием к чистоте, но Аксель отказывался менять ее и впускать в дом незнакомого человека.

Он считал, что Алиса преувеличивает. А Алиса не понимала, почему нельзя одного чужого человека поменять на другого. И что Аксель мог знать о хозяйстве – ведь он всегда сидел, запершись в кабинете, – тоже оставалось для нее загадкой. Герда неизменно была рядом, к ее присутствию привыкли и не замечали ее, как не замечают кошку или собаку, но что она была за человек, Алиса так и не узнала. Граница между господами и обслуживающим персоналом была нерушимой, и никто из них не стремился сократить дистанцию. Но Герда находилась слишком близко. И видела, как Алиса постепенно превращалась из творческого союзника и равного по силе партнера в супругу-марионетку, которая должна стоять рядом и радоваться, когда муж получает награды. Герда была свидетелем всего, что происходило в их жизни, и Алиса ненавидела ее за то, что ей все известно.

Мало-помалу их жизнь превратилась в вечное соперничество. Но тут Алиса забеременела Анникой, с рождением которой борьба закончилась. Внутренний разлад лишил Алису способности писать и навсегда отодвинул ее в тень Акселя. Она пыталась преодолеть собственные инстинкты. Не могла понять, откуда они взялись – изнутри или извне. Аксель продолжал осуществлять свои мечты, а со своими ей пришлось распрощаться.

Дети и все с ними связанное поставили под угрозу осуществление ее планов. Детский крик прогонял вдохновение. Дети плакали – она утирала слезы. Потребность детей в ее присутствии и любви сковывала ее по рукам и ногам.

Алиса Рагнерфельдт вздохнула, взгляд ее был устремлен в прошлое. И только тиканье кухонных часов напоминало о настоящем.

То, что тогда чуть не задушило ее и своей обыденностью едва не довело до депрессии, в действительности было одним мгновением. Но сейчас, спустя сорок пять лет, она была готова на все, лишь бы снова пережить это мгновение.

И получить шанс все исправить.

* * *

Когда Луиза вошла в кухню, Ян-Эрик все еще сидел на своем месте с газетой. Элен ушла, Луиза попрощалась с ней в прихожей. Потом что-то долго делала в ванной, вышла накрашенная и с полотенцем на голове. Ян-Эрик смотрел, как она, словно не замечая его, идет к морозильнику, вынимает два кусочка хлеба из пакета и кладет их в микроволновку. Четкие движения сопровождаются негромкими звуками – хлопанье дверцы, шелест упаковки.

– Заколку нашли?

Она пробурчала что-то похожее на «да» и подошла к холодильнику. Открыла дверцу, снова закрыла, обнаружив сыр на кухонной столешнице.

Он перелистнул страницу, не читая.

– Кофе готов. В кофеварке.

Глупость сморозил. Где же еще ему быть? Луиза, однако, ничего не ответила. Вытащила из шкафа чашку, налила кофе, дождалась сигнала микроволновки, забрала из нее хлеб и положила сверху сыр без масла. Села за стол, притянув к себе часть газеты с культурной хроникой и откусила бутерброд.

Это похоже на тонкий лед. Хрупкая поверхность над темной водой – идти нужно, с осторожностью пробуя каждый шаг.

Два человека настолько близки, что завтракают вместе в халатах. Но расстояние между ними так велико, что преодоление его может стать опасным для жизни. Говорить нечего и не о чем. Даже если очень захочется. Он мог выстроить разговор с кем угодно, но только не с женщиной, которая сейчас сидит напротив него, одетая в домашний халат.

Находиться рядом почти невозможно. До следующей поездки оставалось двадцать четыре часа.

Она перевернула газетную страницу. Сделала глоток кофе. Собрала ладонью крошки от съеденного бутерброда в маленькую горку.

Молчание парализовывало. Стук сердца казался оглушительным. Нужно обязательно что-нибудь сказать, чтобы разрядить обстановку. Но говорить нечего. Абсолютно.

Когда молчание стало совсем невыносимым, он собрался встать и уйти, но тут его взгляд случайно упал на горку крошек, которая только что была сухой и высокой и вдруг превратилась в пологую и мокрую. Он растерянно застыл на месте, не сводя глаз со стола. В следующее мгновение его опасения подтвердились – две новые слезы упали рядом с хлебными крошками.

Все, что недавно казалось ему невыносимым, оказалось ерундой по сравнению с ситуацией, в которой он оказался сейчас.

Луиза плакала. Его холодная жена, которая никогда не демонстрировала никаких чувств, кроме разной степени раздражения, сидела напротив и плакала так, что слезы градом текли по ее лицу.

Но еще больший страх вызывало то, что она ждала утешения от него. От него, который даже не представлял, что в подобных случаях делать, и ничего об этом не знал. Кроме, пожалуй, того, что ее слезы растопили тонкий лед, который еще минуту назад казался опасным, но все-таки защищал от того, что скрывалось под ним и было еще страшнее. От того, что обязательно всплывет на поверхность, если он признается, что заметил ее слезы.

Мгновение он решал, как поступить. С ее склоненного лица падали на стол слезы; еще чуть-чуть, и ему уже не удастся уйти, сделав вид, будто он ничего не заметил. Но принять решение он так и не успел. Не глядя на него, она протянула руку за кофе и в следующую секунду опрокинула чашку на стол.

Ее оплошность лишила его возможности спастись.

– Черт!

Слезы, с которыми она пыталась справиться, прорвались наружу. Он, не успев придумать ничего лучше, рассмеялся:

– Ерунда, подумаешь, кофе!

Она спрятала лицо в ладонях и заплакала навзрыд. Он сидел, глядя в одну точку, и ждал. Никогда раньше он не видел, как она плачет. Он понятия не имел, что это может значить и как ему следует себя вести. Минуты шли. Она плакала, а он в растерянности пытался справиться с ситуацией. Конечно, нужно встать, подойти к жене, обнять. Попытаться унять ее боль. Но он не мог. Не мог пошевелиться. Обвинившись вокруг стола, невидимая веревка связала его по рукам и ногам.

– Так больше нельзя.

У него перехватило дыхание. Он спешно перебирал в уме прежний опыт, пытаясь определить, как действовать дальше. Больше всего ему бы хотелось встать и уйти, притворившись, что он ничего не слышал. Прочь от слез и ненужных разговоров.

– Я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду.

В следующее мгновение их взгляды встретились, и он быстро отвел глаза, испугавшись неожиданного контакта.

– Не понимаешь? Чего ты не понимаешь?

Луиза быстро вытерла щеки, провела рукой под носом. Она словно бросила ручную гранату, знала, что время пошло. И все же колебалась. Хотела сказать больше, но не решалась.

– Я так больше не могу.

Он сглотнул. Пролитый кофе впитался в газету, страницы окрасились в коричневый цвет. Он хотел принести тряпку, но боялся пошевелиться.

– Мы ничего не делаем вместе, мы даже не разговариваем. Как будто мы с Эллен живем тут одни. Тебя никогда нет дома. А когда ты здесь, то... Мы...

Она замолчала. Опустила взгляд и закрыла лицо руками. Потом встала, оторвала от рулона бумажное полотенце, высморкалась и вытерла под глазами. Она всегда внимательно относилась к собственной внешности, вот и сейчас, расстроенная, в слезах, не забывает думать, как выглядит со стороны.

К ее злости он привык. Внезапные приступы гнева оправдывали его отстраненность и заставляли надевать броню. Но сейчас ей удалось пробить броню. Она прекратила сражение и признала себя слабой, нуждающейся в утешении и понимании. Он предпочел бы, чтобы она была злой.

Луиза вернулась к столу. Слезы иссякли, но лицо слегка припухло. На щеках остались белые следы, тушь под глазами размазалась.

– Мы даже не прикасаемся друг к другу.

Она произнесла это, словно стесняясь, и Ян-Эрик заметил, что она покраснела, даже на шее проступили красные пятна. Луиза опустила глаза, ее ноготь с безупречным маникюром коснулся проклятых крошек. И дернуло же его обратить на них внимание. Сердце громко стучало.

Все, что он годами умудрялся замалчивать, обрело форму и превратилось в огонь, пылающий на столе между ними. В отчаянии он пытался что-нибудь сказать. И не мог придумать ничего, что помогло бы ему выкрутиться из сложившейся ситуации. В растерянности Ян-Эрик поднял руку и посмотрел на часы, и Луиза уловила этот жест, хотя сидела, опустив глаза в стол.

– Ты спешишь?

– Нет, совсем нет.

Поднимая свою чашку, он заметил, что у него дрожат руки.

Сидящая напротив него Луиза сделала глубокий вдох, словно собираясь с силами.

– Ради Элен я готова бороться, но у меня нет сил делать это одной.

Прошло несколько секунд. Его тошнило от происходящего.

– У меня есть предложение.

Ему стало страшно. Неужели ему придется идти в спальню и заниматься с ней сексом?

– Я хочу, чтобы ты начал ходить на психотерапию.

– Что?

Поворот оказался таким неожиданным, что он даже позабыл о своем страхе.

– Психотерапию? Мне? Зачем?

Она не ответила. Просто пристально смотрела на него какое-то время, потом снова вернулась к своим крошкам.

– Я полгода ходила, и мне помогло. Тебе, наверное, тоже будет полезно.

Тут он действительно удивился:

– Ты ходила на психотерапию?

– Да.

– Почему ты не рассказывала об этом?

– Я не думала, что тебе это интересно. В нашей семье ведь ничего друг другу не рассказывают. Редко собираются вместе. А на телефон ты вообще не отвечаешь.

Сердитые нотки быстро переместили их на привычную территорию, где у него уже были свои укрытия. К чему эти вечные упреки? Он работает как проклятый, чтобы содержать семью, а она все равно недовольна. Просторная пятикомнатная квартира в дорогом районе Эстермалм, которую им продали существенно дешевле, только потому, что они носят фамилию Рагнерфельдт. Похоже, она забыла разницу между обязанностью и привилегией. Он зарабатывает на хлеб популяризацией искусства, распространяет знания и учреждает проекты, от которых мир становится лучше. Он приносит пользу. И миру, и своей семье. Именно благодаря ему потрясающая проза Акселя Рагнерфельдта сегодня ассоциируется с гуманитарными миссиями. Все, о чем писал отец, в руках сына превратилось в конкретные дела, ведь именно он стал инициатором многих проектов. Он многого добился, с ним считаются, к нему относятся с уважением. Он доказал это. И несмотря на это, дома его ждут лишь обвинения и ее кислая мина.

– Как вариант, мы можем пойти вместе на семейный курс психотерапии. Если тебя это больше устроит.

Нет, его это не устроит. Ни в коем случае. Ему не нужна никакая психотерапия, он не собирается заглядывать в собственную душу и копать в детском горшке.

– А если я не захочу?

Кажется, она догадалась, что он рассержен, но скрывает это. От его новой интонации она вздрогнула, но продолжала говорить сдержанно и спокойно.

– В таком случае я не знаю... Тогда это значит, что ты не хочешь даже попытаться... И я действительно не знаю...

Его связали. По рукам и ногам. Его охватил откровенный гнев, он сердился на нее за то, что она сидит здесь и предъявляет ему ультиматум, даже не понимая, каким оружием владеет. У него нет выбора, хоть она и пытается сделать вид, что выбор есть. Злость прогнала угрызения совести. Он встал из-за стола. Задвинул стул со всем самообладанием, на которое только был способен.

– Хорошо, я подумаю насчет терапии. Хоть это и не значит, что я этого хочу или что мне это нужно.

Она потянулась за сумкой, висевшей на спинке одного из стульев. Вынула из бумажника визитку.

– Мне дал это мой терапевт. Мы не можем ходить к одному и тому же, но этого она рекомендовала как специалиста по...

Луиза замолчала и отвела глаза.

– Как какого специалиста?

Бросив на него робкий взгляд, она положила визитку на стол.

– Как специалиста по тем проблемам, которые есть у тебя. Или, вернее, у нас.

Застыв на месте, он уставился на визитную карточку. Медленно протянул руку, взял карточку и прочел:

«Роберт Расмуссон. Дипломированный психотерапевт и сексолог». Внизу маленькими буквами: «семейные отношения, разводы, консультирование по интимным вопросам, проблемы эрекции».

Он сжал зубы.

Не говоря ни слова, вышел из кухни и направился в ванную. Тщательно запер дверь. К сильному гневу примешивалось другое, незнакомое чувство. Желание вернуться к Луизе и выкрикнуть ей в глаза всю правду было таким сильным, что ему пришлось освежить лицо холодной водой. *У меня, черт возьми, нет проблем с эрекцией! Проблема в тебе! Я могу с кем угодно, только не с тобой!*

Он посмотрел на себя в зеркало и еще раз умыл лицо. Ишь ты, визитка в бумажнике! Как предусмотрительно! И именно в тот день, когда она вдруг случайно не смогла сдержать слез! Да она просто в очередной раз его обманула! Воспользовалась извечным женским трюком и заставила себя выслушать.

Ян-Эрик еще раз прочитал текст на визитке, оставив на ней темные следы своих мокрых пальцев. Подавил порыв спустить карточку в унитаз. Все пошло к черту. Но ничего не поделаешь. Он подумает и постарается с этим разобраться.

Через двадцать пять минут он должен быть у мамы.

Пребывая в ужасном настроении, Ян-Эрик решил не подниматься на лифте, а пройти пешком два лестничных марша до квартиры Алисы Рагнерфельдт.

Марианна Фолькесон приедет только через полчаса. Ян-Эрик специально пришел заранее, чтобы, прежде чем пускать в дом постороннего, убедиться, что мать достаточно трезва. Он дважды коротко нажал звонок и уже начал искать ключи, но тут дверь открылась.

Хороший знак. Мать была одета, причесана и выглядела трезвой.

– Здравствуй, мама.

Ян-Эрик прошел в прихожую и снял пальто. Вроде бы все в порядке. Он протянул матери пакет с купленными по дороге булочками.

– Заходи, я покажу тебе кое-что.

Так и не взяв булочки, она скрылась в кухне. Он снял обувь и последовал за ней.

Алиса уже сидела на одном из стульев.

– Смотри.

Она подняла брючину до колена и с вызовом взглянула на сына. Он смотрел на ее ноги и стопы.

– Видишь?

– Что?

– Ты что, не видишь?

Он наклонился и посмотрел внимательнее:

– Что я должен увидеть?

– Опухла. Правая икра. Ты что, не видишь?

Она показала пальцем.

Уставившись на линолеум, он пытался сделать так, чтобы она не заметила, как сильно ему все это надоело. Мать опустила брючину и взяла со стола газетную вырезку. С победоносным видом протянула ее ему. Выпрямившись, он быстро пробежал глазами текст.

– Но ты же проверяла почки, и у тебя ничего не нашли.

– Это было четыре месяца назад. А сейчас я чувствую: что-то не в порядке. Все в точности так, как сказано в газете. Смотри сам. По утрам головная боль, усталость, зуд, отекающие ноги. Я знаю, что у меня что-то не в порядке.

Повернувшись к ней спиной, он положил булочки на кухонную столешницу.

– Я записалась на прием в клинику.

Не поворачиваясь, он закрыл глаза. Он знал, что означает визит в клинику. Героические попытки персонала скрыть раздражение от визита Алисы Рагнерфельдт с ее вечными требованиями провести новые анализы, ее капризы, отнимающие драгоценное время у действительно больных людей.

– Кофе поставить?

– В термосе есть. Меня записали на одиннадцатое, на восемь пятьдесят. Сможешь меня отвезти?

Он вынул из шкафа три чашки и столько же блюдец.

– Я посмотрю в ежедневнике.

Он уже собрался сказать, что в крайнем случае можно попросить Луизу, и тут же вспомнил утренний разговор. От одной мысли о жене у него резко застучало сердце.

– Если что, попросим Луизу. Но мне бы хотелось, чтобы меня отвез ты.

Он не ответил. Открыл пакет и вынул булочки.

– У тебя не найдется блюда?

Марианна Фолькесон позвонила в домофон точно в условленное время. До этого они успели обсудить кислый запах из-под ванны. Мать утверждала, что он появляется каждый раз, когда она сливает воду, и рассказала, что хотела прочистить сток, но не смогла – из-за больной ноги. Ян-Эрик в очередной раз попробовал убедить Алису пригласить помощницу по дому, но она, как обычно, отказалась. Она не хотела, чтобы кто-нибудь посторонний шастал по ее владениям. К тому же у нее есть Ян-Эрик и Луиза. Они ведь живут так близко друг от друга.

Алиса сидела на диване в гостиной, когда пришла Марианна Фолькесон. По виду она была ровесницей Яна-Эрика, может быть, чуть-чуть старше. Не сказать, чтобы совсем непригодна, просто немного старовата, на его вкус. И кроме того, он никогда не охотился в угодьях, где обитают члены его семьи.

Алиса ответила на рукопожатие, не вставая с кресла. Вид у нее был выжидающий. Ян-Эрик предложил Марианне присесть в одно из кресел и налил ей кофе. Когда он подносил термос матери, та, отказываясь, накрыла свою чашку рукой. Он с трудом уговорил Алису принять посетительницу. Мать полагала, что у них нет причин углубляться в подробности кончины Герды Персон. Ян-Эрик был не столь категоричен. Когда Марианна попросила о встрече, он, разумеется, согласился, но с тех пор никак не мог отделаться от неприятного осадка. Герда принадлежала прошлому, ворошить которое ему не хотелось. Покинутый дом, пустой, но требующий расходов и постоянного присмотра. Аксель еще жив, и решение о судьбе дома откладывалось на неопределенное время. Продать, превратить в музей или переселиться туда самим. Вариантов множество. Прекрасный дом, тысяча девятьсот шестого года постройки, девять комнат, две кухни – внизу и на втором этаже. Участок в три тысячи квадратных метров, рядом пляж.

Вернувшись из Штатов, Ян-Эрик увидел, что родители разъехались по разным этажам. Он решил, что это из-за смерти Анники, но ни об этом, ни о многом другом спрашивать не стал. После автокатастрофы комнату сестры переделали в кухню для Алисы. Родители успешно избегали встреч друг с другом. Дружной семейной парой они выглядели только на официальных мероприятиях и редких семейных ужинах с Яном-Эриком и Луизой. Но они не разводились. В семье Рагнерфельдт это не принято.

Когда Ян-Эрик был маленьким, Герда Персон была единственным человеком, с которым ему было спокойно и уютно. Она мало говорила, но ее молчание служило своего рода убежищем. Это было надежное молчание, которое никогда не раздражалось грозой.

Марианна сделала маленький глоток кофе.

– Для начала я хочу сказать, что, разумеется, прочитала все книги Акселя Рагнерфельдта, они действительно потрясающие. Пожалуйста, передайте ему привет и поблагодарите за возможность получить удовольствие от чтения.

– Мы обязательно передадим. Он будет в восторге.

Ян-Эрик выразительно посмотрел на мать и громко откашлялся, заметив красные пятна на щеках Марианны Фолькесон.

– Папа перенес обширный инсульт, и мы не уверены, понимает ли он то, что ему говорят. Мама имела в виду именно это.

– Вот как, мне жаль, очень жаль. Я ничего не знала.

Ян-Эрик надеялся, что взгляд, который он послал матери, заставит ее молчать.

Марианна вытащила из сумки блокнот и ручку.

– Я пришла к вам, поскольку занимаюсь в муниципалитете выморочным имуществом и должна прежде всего попытаться разыскать возможных наследников, а если это не удастся, то организовать похороны, которые пока отложены. Вы не знаете, были ли у Герды Персон родственники?

Ян-Эрик переадресовал вопрос матери, сам он ничего об этом не знал.

– Ну, о Герде Персон мне известно немного. Мы прервали контакты в начале восьмидесятых. Мне кажется, для ответов на эти вопросы должны найтись другие люди.

– Да, я понимаю. Но, к сожалению, близких людей удастся найти не всегда. И тогда нужно максимально использовать то, что есть у тебя в распоряжении.

Марианна Фолькесон оказалась настырной. Яну-Эрику все меньше хотелось продолжать разговор. Алиса поглаживала бордовый бархат дивана. Этот гарнитур органично смотрелся на втором этаже их дома. А здесь, сколько его ни переставляй, он казался чужеродным. Словно скучал по старому дому и отказывался приспособливаться.

– По-моему, она была родом с Эланда или, может быть, из Кальмара. У нее, насколько я помню, была сестра, которая умерла где-то в конце пятидесятых. По-крайней мере, ты тогда был еще маленький.

Ян-Эрик кивнул.

– Я помню, что ее не было неделю, потому что она уехала на похороны. Сестра, если я ничего не путаю, была тоже незамужней.

– О других братьях или сестрах вам ничего не известно?

Кончик ручки Марианны Фолькесон застыл над страницей блокнота в черной обложке.

– Нет, по крайней мере, она об этом не рассказывала.

– Детей тоже не было?

– Нет.

Марианна переменила позу и пролиستала несколько страниц в блокноте.

– У меня есть ответ на объявление в газете. Некий Торгни Веннберг сообщил, что намерен прийти на похороны.

– Торгни Веннберг?

В голосе матери звучало недоверие.

– Да. Вы его знаете?

Алиса фыркнула.

– Постольку-поскольку. Отвратительный мужичонка, постоянно лип к Акселю, чтобы погреться в лучах его славы. Он когда-то опубликовал пару романов, которые никто не читал, и вечно отирался рядом с более успешными авторами. Но я понятия не имею, какое он может иметь отношение к Герде, я даже не предполагала, что они были знакомы. Конечно, они встречались в нашем доме, когда он приходил, но с тех пор прошло больше тридцати лет.

Ян-Эрик помнил Торгни Веннберга. Рыжая борода и громогласный смех этого человека казались Яну-Эрику ненатуральными. Они запирались с отцом в кабинете, и оттуда периодически доносились взрывы этого хохота. А время от времени слышался даже отцовский смех – что было странно, потому что отец редко пребывал в веселом расположении духа. И чем дольше они там сидели, тем чаще смеялись.

– По крайней мере, он хочет прийти на похороны.

Алиса снова фыркнула.

– Он, вероятно, думает, что там будет Аксель и он сможет снова к нему приставать.

– Мама!

Это было сказано мягко, но с заметным нажимом. Раньше он волновался, только если она была нетрезва. Теперь же он никогда не знал, чего от нее ждать. Поведение, которое раньше она позволяла себе только в семье, сейчас все чаще видели посторонние.

Он хотел взять на похороны Акселя. Погрузить в коляску и отвезти, сколько бы тот ни двигал мизинцем – теперь это был его единственный способ выражать свое несогласие. Но обсуждать это с матерью в присутствии сотрудника выморочного отдела он не собирался.

– Если вам нужна какая-либо помощь в связи с похоронами, мы, разумеется, готовы помочь.

Ян-Эрик дружески улыбнулся Марианне.

– Буду признательна, если вы посоветуете какую-нибудь музыку, которую она любила. Или что-то другое, что сможет сделать церемонию менее формальной. Может быть, вы, к примеру, знаете, какие она любила цветы?

– Розы.

Алиса бросила на него удивленный взгляд. Он опередил ее с ответом. Произнес первое, что пришло в голову. И внезапно вспомнил ссору, разыгравшуюся как-то вечером лет сорок назад.

Мать стоит на газоне, как всегда в халате. Герда молчит, ее голова опущена. Крик стоит такой, что Ян-Эрик боится, как бы не услышали соседи. Мать злится, что Герда не выполола одуванчики.

– Розы? – протянула Алиса, явно удивившись. – Откуда ты знаешь?

– Она сама как-то сказала.

Мать ничего не ответила, но по ее лицу явно было видно, что ничего глупее она в своей жизни не слышала. Яну-Эрику еще сильнее захотелось поскорее закончить беседу. Что-то подсказывало ему, что мать выпила прямо перед его приходом и алкоголь понемногу начинал действовать.

Записав что-то в блокнот, Марианна пролистала еще несколько страниц. Не подозревая о том, что творилось в душах ее собеседников, она без спешки задала следующий вопрос:

– Вы не знаете такого Кристофера Сандеблума?

Алиса глубоко вздохнула и собралась встать.

– Впервые слышу.

Она направилась в сторону кухни, Ян-Эрик проследил за ней взглядом.

– Нет, не думаю. А что?

Он догадывался, что нужно матери, и ему очень хотелось побыстрее выпроводить непрошеную гостью из квартиры.

Марианна взяла чашку и отпила немного кофе.

– В завещании он указан как наследник.

Ян-Эрик бросил взгляд на дверь, за которой скрылась Алиса.

– Вряд ли он на этом озолотится.

Ян-Эрик рассмеялся, чтобы сгладить этот донесшийся из кухни комментарий. Интересно, Марианна тоже расслышала звук отвинчивающейся металлической крышки?

– Она подробно указала, что сначала следует заплатить по счетам, а то, что останется, плюс средства, вырученные от возможной продажи ее имущества, завещала ему. Я подумала, может быть, вы знаете, кто это.

– Понятия не имею. Сколько ему примерно лет?

Марианна проверила в блокноте.

– Семьдесят второго года рождения.

В проеме двери показалась Алиса, она стояла, сложив руки на груди.

– В таком случае вам лучше связаться с ним, раз она ему так доверяла.

– Я пыталась, оставила сообщение на его автоответчике, но он пока мне не перезвонил.

Ян-Эрик поднял руку и посмотрел на часы:

– Если к нам больше вопросов нет, то мне, к сожалению, нужно уехать.

Марианна Фолькесон пробежала глазами еще одну страницу своего блокнота.

– Да, пожалуй, пока все. Насчет музыки подумайте, пожалуйста, что может подойти. И еще фотография. Нет ли у вас фото Герды? Обычно я увеличиваю фотографию, обрамляю и ставлю на гроб. У нее в квартире мы нашли одну, но она недостаточно четкая. Может быть, у вас есть другие?

Ян-Эрик встал.

– Конечно, я поищу.

Они пожали друг другу руки, Марианна Фолькесон поблагодарила его за встречу.

Алиса попрощалась с Марианной в дверях комнаты, после чего вернулась в гостиную и села в кресло. Ян-Эрик вышел в прихожую.

– До связи в ближайшее время. Я попробую найти фото.

– Спасибо, звоните, если что-нибудь вспомните.

Ян-Эрик заверил, что непременно позвонит, и она наконец ушла. Он немного постоял в прихожей, мечтательно глядя на свои туфли. Взять бы и уйти куда-нибудь. Далеко-далеко. Но день еще не окончен. Оставался еще один приятный визит. Важно, чтобы реабилитация больного происходила в тесном сотрудничестве с семьей, – так говорил доктор. И сегодня подошел срок очередной встречи. Дни визитов – редкие жемчужины в его календаре. Семья

– это он один. Мать не особенно интересовалась реабилитацией, хотя время от времени, приличия ради, приходила вместе с ним к отцу.

Тут из гостиной раздался голос Алисы:

– Солнышко, посиди немного со своей старой мамой, удели мне немного времени. Так приятно поговорить с тобой. Мне ведь ужасно одиноко!

Он закрыл глаза.

Завтра он уедет.

Он уже считал часы до отъезда.

* * *

Кристофер встал из-за стола и подошел к окну. Дождь лил стеной, застилая видимость, скрывая от глаз Катаринское кладбище. Он прижался лбом к холодному стеклу и закрыл глаза. Стоял неподвижно, пока не подобрал нужные слова, после чего поспешил к компьютеру, не сядя, записал их, потом сел, глубоко вздохнул и начал читать с экрана:

Второй акт

Мать и отец сидят за столом в кухне, накрыт завтрак. Вокруг стола четыре стула. На матери красные лакированные туфли на высоких каблуках, очень короткая юбка и маленький блестящий топ. На отце костюм в тонкую белую полоску. Стены кухни черные, кругом висят телевизоры, показывающие разные программы. Новости, реклама, эротика, экшн, музыкальное видео.

Мать вяжет. Отец читает с компьютерного монитора.

Минуту сидят молча.

Отец. Что ты делаешь?

Мать. Вяжу.

Снова минутное молчание.

Отец. Что ты вяжешь?

Мать. Варезки.

Отец. Зачем ты вяжешь варезки?

Мать. Я отнесу их в фонд спасения Африки.

Отец. Зачем африканцам варезки?

Мать. Затем, что им холодно.

Сын 13 лет, появляется на сцене. Одет в оранжевый комбинезон Гуантанамо, на глазах черная повязка, лодыжки перевязаны широкой резиновой лентой так, что он может делать только маленькие шаги. От лодыжек к ладоням идет цепь, заканчивающаяся наручниками.

Сын. Можешь застегнуть?

Мать застегивает наручники.

Мать. Тебе обязательно нужно было сегодня так одеваться?

Сын. Мам, ну хватит!

Мать. На улице мороз. Я не хочу, чтобы ты простудился.

Отец. Только не испачкай одежду, в субботу мы идем на свадьбу к Свенссонам.

Мать. Знаешь, сколько это стоило? Четыре тысячи крон.

Сын. Я сам платил. Из тех денег, что мне подарили на Рождество.

Мать. Ты что-нибудь видишь?

Сын. Глянь, тут же дырки! *(С трудом поднимает скованные цепями руки и показывает на дырки для глаз.)*

К тому же это натуральный материал. Экологически проверено!

Мать намазывает бутерброд и кормит сына. Помогает ему пить из стакана. Внезапно поворачивается к публике.

Мать. Кто-нибудь может мне помочь?

Потом, как ни в чем не бывало, возвращается к своему вязанию.

Отец. Наши акции Африканской рыболовной компании поднялись.

Сын. Я ухожу.

Мать. У тебя ведь сегодня занятия позже начинаются.

Сын. Иначе не успею. *(Показывает на резиновые ленты на ногах.)*

Отец. Берегись автомобилей и педофилов.

Сын крошечными шажками торопливо исчезает со сцены.

Мать. Какие акции?

Отец. Гениальный бизнес! Пятьсот тон филе нильского окуня ежедневно экспортируется в Европу. Цена транспортировки низкая – за счет использования дешевых русских пилотов и старых грузовых самолетов. Потроха и рыбы головы остаются местному населению, так что те, кто утверждает, что искусственное разведение нильского окуня привело к гибели остальных видов рыбы в озере Виктория, – пусть заткнутся. Никто не смеет утверждать, что Африканская рыболовная компания нарушает законы. Кроме того, подросткам предоставляется возможность подогревать в ящиках из-под рыбы клей и нюхать его, чтобы лучше спалось под открытым небом. Ведь у большинства из них родители умерли от СПИДа. Таким образом, для всех задействованных лиц ситуация является сверхблагоприятной. И мы благодарим судьбу за то, что были в числе первых покупателей акций.

Некоторое время сидят молча. Внезапно отец поворачивается к публике.

Отец. Кто-нибудь может мне помочь?

Кристофер откинулся назад и сцепил руки на затылке.

Он не вполне доволен. Что-то в тексте не стыкуется, а до истечения срока остается всего четыре недели. Он перевел взгляд с монитора на выключенный мобильный телефон. Взял его, взвесил в руке. Связь с миром прервана неделю назад, а количество страниц продолжает оставаться угрожающе маленьким. Работа не идет. Нет драйва.

Хочется столько всего сказать, но слова сидят, как приклеенные, в пространстве, куда он не может добраться. Обычно изоляция от мира ему помогала. Отключая телефоны и не заглядывая в почту, он получал свободу. Чувство независимости. Право беспрепятственно изливать желчь на социальную конструкцию, быть частью которой он сознательно отказался. Но сейчас это не срабатывало. Он чувствовал себя одиноким и отвергнутым. Выпавшим из жизни. Это состояние было совсем не похоже на то, когда он сам выбирал позицию наблюдателя, со стороны взирающего на то, в чем он не участвует и имеет право осуждать с высоты трех лет моральной безукоризненности.

Сейчас он отрезан от всего – и одинок. Может, это как-то связано теми деньгами? Ежемесячно он получал по почте переводы анонимного отправителя, но в этом месяце ничего не пришло. Эти деньги были для него гарантией того, что когда-нибудь он все узнает. Получит приемлемое объяснение и сможет простить. Он закрыл ноутбук и вышел в кухню. Открыл холодильник. Количество полуфабрикатов на полках заметно сократилось, надо бы сходить в магазин. Может, позвонить Есперу? Перекусить с ним на Сконегатан и поговорить немного. Рискую заболеть цингой, Еспер корпел над своим романом, как он над пьесой. Прошел год с тех пор, как небольшой театр в Кунгсхольмене поставил его первую вещь. Критики назвали ее провокационной. А кто-то сказал: «Сильная». Он принял это за высокую оценку, к тому же на большинстве представлений были аншлаги. Сидя в темноте зрительного зала, он шевелил губами, повторяя слова, произносившиеся на сцене. Он делал это неслышно, но его внутренний голос ликовал. А когда раздавались аплодисменты, в голове его всегда мелькала мысль:

«Если бы меня могли видеть родители».

Теперь театр хочет новую пьесу, и он пообещал предоставить текст через четыре недели. Нужно показать себя с неожиданной стороны, но сохранить свой стиль. Ударить, но закамуфлировать удар, так чтобы его сила обнаружилась не сразу и чтобы лишь спустя какое-то время критики с удивлением обнаружили его последствия. Когда на людей нападают открыто, они защищаются. Это сидит в генах. Однако злость и обида на то, как устроен мир, были настолько сильны, что он с трудом сдерживал себя.

Взяв беспроводной домашний телефон, он набрал номер Еспера. Включить мобильный он пока не решался, потому что тогда колдовство исчезнет наверняка, а ему сегодня обязательно нужно сделать еще хотя бы несколько страниц.

– Это я. Как дела?

– Я в «Нео». Может, заглянешь?

Он колебался недолго.

– Хорошо, буду минут через десять.

Он вышел в прихожую, надел кроссовки, взял спортивную сумку. Зонтик оставил, заметив, что дождь за окном прекратился. Закрыл английский замок и решил спуститься пешком – размяться после недели неподвижности. Спускаясь, держался рукой за перила. И думал, что до него по этим перилам скользило множество рук. Он лишь часть целого. Уже три года именно эта мысль руководила каждым его шагом. Все связано, у каждого своя ответственность, и он понимает, что должен нести свою.

Новая жизнь началась три года назад, когда он, тридцатидвухлетний бармен, стоя за барной стойкой в Оре², почувствовал, что задыхается. Находится на краю гибели. Оглядевшись по сторонам, он понял, что совокупный коэффициент интеллекта в помещении соответствует обезьяннику в Кольморденском зоопарке. С той убийственной разницей, что обитатели зоопарка ведут себя достойнее. Все происходящее виделось ему словно сквозь

² Горнолыжный курорт в Швеции.

мутную линзу, он внезапно почувствовал себя пришельцем из космоса, которому нужно узнать, как живут заселившие планету Гею разумные люди. Но понимание не наступало. Действия землян были лишены высшего смысла. Пустые разговоры ни к чему не вели, если не считать пьяного секса в гостиничном номере или дома.

По другую сторону барной стойки веселилась компания девушек, сообщивших накануне, что они вместе учатся в школе медсестер и приехали сюда на каникулы. Ярко-розовые футболки с текстом I'M HERE FOR THE GANGBANG³. Беседы, которыми девушки пытаются развлекать трех мускулистых самцов, с трудом держащихся на ногах.

Люди напиваются, отчаянно пытаясь заполнить душевную пустоту. Но процветает эта дикость во многом благодаря ему и его собратьям по профессии. Одетые в спонсорскую одежду с логотипами алкогольных марок, они наливают пиво, водку и разноцветные коктейли каждому, даже тем, кто и так уже настолько пьян, что едва доносит стакан до рта. Причем приходят эти люди сюда по доброй воле.

³ Я здесь для группового секса (англ.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.